

Виза на смерть

Автор:

Мария Шкатулова

Виза на смерть

Мария Шкатулова

Детективное ассорти

Убит высокопоставленный чиновник Министерства иностранных дел. Потом еще один, потом еще. Если прав скандально известный журналист Хинштам, который утверждает, что в высотке на Смоленской орудует маньяк, то как объяснить дерзкое похищение трехлетней внучки посла?

Мастерски выстроенная интрига, неожиданная развязка, прекрасный литературный язык – все это детективы известной писательницы Марии Шкатуловой, уже снискавшей любовь читателей.

Мария Шкатулова

Виза на смерть

© Шкатулова М. С., 2007

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2007

* * *

Эмма Михайловна застегнула на левой руке браслет, тщательно проверила замочек и, капризно выпятив губу, еще раз оглядела свое отражение в зеркале. Все вроде бы ничего... Платье, купленное в прошлом году в Париже на распродаже в одном из бутиков на бульваре Сен-Жермен, сидело как влитое, хотя еще весной оно было ей чуточку тесновато. И эта новая краска для волос цвета опавших листьев ей очень шла, и браслет, и туфли... Но лицо... Лицо, несмотря на все старания, безжалостно выдавало все ее пятьдесят семь и ни годом меньше. И похудела она как-то некстати... Если бы еще это произошло благодаря диете или какой-нибудь гимнастике, тогда ладно. Но она похудела от удушающей жары, которая все лето стояла в Москве, и еще оттого, что они оба нервничали – она и Лёнчик, – пока решался вопрос о его назначении, и так и не съездили никуда отдохнуть. И теперь у нее мешки под глазами, и набрякшие веки, и эти противные складки в углах рта, которые ничем не замажешь. Она сложила губы бантиком и приблизила лицо к зеркалу – складки исчезли, но появились мелкие морщинки.

– Фу, Джумка, отстань! – вздрогнула Эмма Михайловна, почувствовав прикосновение маленьких коготков, и отдернула ногу. – Колготки порвешь!

Джумка, крошечный йоркширский терьер, которым они с Лёнчиком обзавелись во время его последней командировки, смотрела на нее влажными слезящимися глазами и повилиwała хвостиком.

– Ну? Что такое? Хочешь к мамочке? – Эмма Михайловна нагнулась и взяла собачку на руки. – А мамочка опаздывает... И папочка сердится... Папочка ждет в машине и сердится на мамочку... А у кого носик мокренький, а? Кто у нас хорошая собачечка, а?

Джумка изловчилась и лизнула ее в нос.

– Любишь мамочку... – умилилась Эмма Михайловна. – И мамочка любит Джумочку... Любит-любит свою собачечку... Ну? Что такое? Хочешь поехать с мамочкой? С мамочкой нельзя – мамочка едет в гости...

С улицы донеслись нетерпеливые гудки.

– Вот, слышишь? Папочка сердится...

Эмма Михайловна поспешно опустила Джумку на пол, схватила сумочку и начала нервно перебирать содержимое: пудра, помада, носовой платок... кажется, все... ах, нет! Она же забыла подушиться!

Эмма Михайловна открыла стоявший на подзеркальнике маленький флакончик, но, почувствовав терпкий запах, вспомнила, что уже надушилась и, кажется, даже не один раз.

Что это, в самом деле, с ней такое? Уж не нервничает ли она? И с чего бы ей нервничать? Не из-за визита же к Сашке Гришакову? Впрочем, это раньше он был Сашкой, однокурсником и товарищем Лёнчика, а потом и коллегой по министерству, а теперь он Александр Борисович, владелец огромной компании по продаже недвижимости. Ну и что, уговаривала себя Эмма Михайловна, ей-то чего волноваться по этому поводу?

Она и в самом деле чувствовала себя ужасно неуверенно, как в молодости, когда они с Лёнчиком впервые выехали за границу: он – в качестве атташе советского посольства, она – его молодой жены. Эмма Михайловна хорошо помнила, как трусила, когда вскоре после их приезда должен был состояться большой прием по случаю 55-летия Октябрьской революции, и как она не знала, что надеть, потому что ей казалось, что все привезенные из Москвы шмотки совершенно не годятся для такого случая, и как они с Лёнчиком поехали в магазин и купили ей хорошенький костюмчик – правда, не совсем такой, о котором мечтала, но зато недорогой. В ночь перед приемом она не спала, представляя себе широкую лестницу, покрытую красной ковровой дорожкой, по которой они с Лёнчиком будут подниматься в огромный, ярко освещенный зал, и как все будут смотреть на нее и перешептываться: «Смотрите, какая хорошенькая!»

Действительность оказалась куда более прозаической. Лёнчика с другими молодыми сотрудниками отправили в холл посольства встречать иностранных

гостей, и ей пришлось бы идти одной, если бы в коридоре ее не догнала немолодая и очень некрасивая жена советника по безопасности, которая смотрела на нее покровительственно и называла «деточкой». В зале вокруг огромного стола, накрытого «по-русски» – салаты, выпечка, горячие блюда вперемежку с разностильной и обильной выпивкой, – было уже полно народу, но никто даже не взглянул в ее сторону, и она так и простояла в дальнем углу в компании опекавшей ее Людмилы Ивановны, которая угощала ее то пирожками с капустой, то рыбным заливным и надоела ей хуже горькой редьки. И только под конец, когда все насытились и, как пишут в газетах, в зале воцарилась непринужденная атмосфера, к ней подошел какой-то подвыпивший француз и, заглядывая в вырез ее жакета, что-то застрекотал, чего она, два года проучившая французский язык в институте, никак не могла понять, как ни старалась. Она что-то отвечала ему невпопад, ужасно краснела, и ей казалось, что весь зал прислушивается и смеется над ее беспомощными попытками говорить по-французски. Какая же она была глупая!

Эмма Михайловна грустно улыбнулась и тут же вспомнила, как десять лет спустя, в Нью-Йорке, куда они только что приехали с Лёнчиком в длительную командировку и где она, супруга второго секретаря полпредства, тридцатипятилетняя интересная брюнетка, пользовавшаяся успехом у мужчин («Эмма – вы поэма!»), пережила унижение, которое не могла забыть до сих пор. По иронии судьбы это случилось опять перед ноябрьским приемом, куда на сей раз они отправились вместе: она в дорогом платье, купленном накануне на Пятой авеню, и Лёнчик в новом костюме, стройный и элегантный, но уже с седыми висками.

Она уже точно не помнила, почему на полпути осталась одна – то ли он что-то забыл, то ли его кто-то окликнул. «Иди, я тебя догоню», – сказал Лёнчик, и она двинулась вперед, цокая каблучками и приятно ощущая себя легкой и привлекательной.

– Простите, можно вас на минутку? – услышала она за спиной надменный женский голос. Это была Галина Петровна Гагина, жена одного из дипломатов. – Ваш муж кто по должности?

Эмма Михайловна гордо подняла подбородок, потому что ей ужасно хотелось так же надменно бросить ей в лицо: «Вам-то что за дело до этого?» – но какой-то смутный страх, живший всегда в глубине ее души и заставлявший ее заискивающе улыбаться всем, кто находился выше Лёнчика на иерархической

лестнице, и особенно ощущавшийся, когда они бывали за границей, выскочил откуда-то как черт из табакерки, и она, растерявшись, ответила как провинившаяся школьница: «Второй секретарь...»

«А мой – первый, – отчеканила Галина Петровна, – так что вам придется подняться наверх и переодеться». И только тогда Эмма заметила, что на Гагиной надето точно такое же платье, как на ней.

Эмма Михайловна вспомнила, как вернулась в квартиру и, рыдая, бросилась на кровать, и Лёнчик тормозил ее и испуганно спрашивал: «Что? Что случилось?» – а она не могла выговорить ни слова от душивших ее слез и ярости и только повторяла: «Дрянь, дрянь, какая же дрянь!» А потом они поссорились, потому что она стала уговаривать его не ходить на «этот дурацкий прием», а он не пойти не мог, и когда она объяснила наконец, в чем дело, рассмеялся и сказал, что все это не стоит выеденного яйца. «Что? – вскинулась она, – что ты понимаешь? Что ты в этом понимаешь?!» Сама она искренне считала, что большего оскорбления никто и никогда не мог бы ей нанести. «И понимать тут нечего, – спокойно ответил Лёнчик, – плюнуть и растереть». Словом, праздник был испорчен: на прием Лёнчик пошел один, а она, сорвав с себя ставшее ненавистным платье, так и просидела весь вечер в одном белье с размазанной по щекам тушью и повторяя сквозь зубы: «Дрянь!.. дрянь!» – а потом, выпив почти целый стакан неразбавленного скотча и немного успокоившись, принялась мечтать о том, как рано или поздно, когда Лёнчик станет наконец послом – хорошо бы где-нибудь в Лондоне или Вашингтоне, а Гагин к тому времени будет разве что каким-нибудь дурацким советником – так вот тогда... тогда она, Эмма, покажет этой дряни Гагиной, где раки зимуют!

Эмма Михайловна вздохнула. Как все-таки несправедливо устроена жизнь!

Тогда, в восемьдесят втором, об этом можно было только мечтать, а теперь, когда Лёнчика назначили заместителем министра и через несколько лет он уж точно будет послом или, еще лучше, полпредом в ООН, – теперь Гагин уже лет десять как не работает в министерстве. Поговаривают, что он чуть ли не вице-президент какой-то крупной компании – то ли в Сан-Франциско, то ли в Лос-Анджелесе, то ли где-то еще.

Эмма Михайловна опять вздохнула. Конечно, Лёнчик тоже не последний человек, и новую квартиру им обещают на Кутузовском проспекте, и дачу, видимо, дадут, и отдохнуть они поедут в Италию или на Лазурный берег, и

лекции его приглашают читать за границей, и книгу он напишет не хуже других, – вон, сейчас все кому не лень бросились писать! – и на телевидение приглашают, а уж сколько у них впереди поездок и приемов!

Все так, конечно, но по сравнению с той жизнью, которой теперь живет Гагин или тот же Сашка Гришаков... Все-таки прав был Сашка, что ушел в бизнес. Теперь у него своя компания, огромные деньги и огромные возможности... Конечно, приятно быть женой заместителя министра, но ведь государственная должность – это так ненадежно... Да и платят мало... Если бы они жили в Америке или во Франции – тогда другое дело, а здесь...

здесь им ничего не светит. Ну, съездит он послом через несколько лет, а что потом? Пенсия?

С другой стороны, думала Эмма Михайловна, кто его знает?.. Ведь бросил же Сашка Гришаков свою первую жену Наталью, как только разбогател, и женился на молодой и длинноногой, а Лёнчик – до сих пор при ней, хотя тоже давным-давно мог бы ее бросить – как ни крути, она ни три года старше его, да и детей у них нет...

С улицы опять слышались гудки. «Иду, иду!» – проворчала Эмма Михайловна и в последний раз взглянула на себя в зеркало. Конечно, ей беспокойно. Кто знает, что ее там ждет на этом приеме? Сашкину бывшую она прекрасно знала – они были ровесницы и, в общем, одного поля ягоды, – а эту новую она еще ни разу не видела. Лёнчик говорит, что она – модель и невероятная красотка. И подружки у нее наверняка соответствующие. А она, Эмма, сегодня как назло плохо выглядит. Да и платье... Черт его знает, во что они там одеваются с их-то возможностями? И что она там будет делать? Может, не ходить?..

Может, и не ходить, но об этом надо было думать раньше, а теперь, когда Лёнчик сидит в машине да еще наверняка злится, потому что терпеть не может, когда она заставляет его ждать, думать уже поздно.

– Фу, Джумка! Отстань же ты от меня, наконец! – взвизгнула Эмма Михайловна и тут же, наклонившись к собачонке, засюсюкала: – Ну, прости, прости свою мамочку! Видишь, мамочка нервничает, а ты ей чулочки рвешь. Нельзя чулочки рвать, чулочки дорогие...

Эмма Михайловна погладила Джумку и вдруг подумала: «Может, взять ее с собой?»

А что, неплохая мысль... Ходит же с йоркширом известная певица! Чем она хуже? А с Джумкой она чувствовала бы себя уверенней. Правда, неизвестно, что по этому поводу скажет Лёнчик, тем более что сейчас он наверняка сидит злой как черт, но ничего, она постарается его уговорить.

Эмма Михайловна подхватила собачку, надела на нее поводок и новую шлейку из красной лайки и вышла на площадку, стараясь не думать о том, что Лёнчик эту певицу с йоркширом терпеть не может и называет не иначе как сумасшедшей климактеричкой.

В лифте было совершенно чисто, но Эмма Михайловна огляделась с таким видом, будто хотела сказать: «Вот в каком ужасном месте приходится жить жене заместителя министра!» – и брезгливо поморщилась. Это выражение брезгливости появилось у нее с тех пор, как Лёнчик получил назначение, и вся обстановка их большой трехкомнатной квартиры, и сам «мидовский» дом на Брянской, в котором она когда-то так мечтала поселиться, стали казаться ей жалкими и убогими и никак не соответствующими их с Лёнчиком нынешнему уровню.

Лифт дрогнул и медленно пополз вниз. Эмма Михайловна приосанилась и немного выпятила нижнюю губу, чтобы казаться моложе, так как последнее время стала замечать, что у нее слегка западает рот.

Миновав третий этаж, лифт дрогнул и остановился. «О, господи, только этого не хватало», – простонала Эмма Михайловна и нажала кнопку «вызов». Переговорное устройство, издав легкое шипение, ответило недовольным женским голосом: «Что там у вас?» – «Как – что?! – взвизгнула Эмма Михайловна, и одновременно с ней истошно залаяла Джумка. – Лифт опять остановился! Сколько раз можно повторять, что в четвертом подъезде застревает лифт!» – «Не волнуйтесь, сейчас исправим», – пообещала диспетчер и отключилась. «Что значит – не волнуйтесь?! – возмутилась Эмма Михайловна, снова нажимая кнопку. – Мой муж – заместитель министра! И по вашей милости опаздывает на важное мероприятие, а вы говорите – “не волнуйтесь”! Как будто я могу спокойно стоять и ждать, пока появится ваш оболтус! Фу, Джумка, замолчи! Вам сто раз говорили, что лифт нужно отремонтировать! Я жаловаться буду!»

Эмма Михайловна вся тряслась от праведного гнева, однако разговор с диспетчером навел ее на некоторую мысль.

Через пять минут, освободившись из лифтового плена и выйдя из подъезда, Эмма Михайловна уверенно зашагала к стоящему несколько в стороне черному «опелю», по дороге репетируя обвинительную речь:

«Сколько раз я тебя просила – позвони в ДЭЗ и скажи, чтобы починили этот чертов лифт! Теперь, когда ты занимаешь такую должность, они просто обязаны тебя послушать!» И Лёнчик, вместо того чтобы орать на нее, виновато спросит: «Что, опять застрял?» – «Ну конечно! – возмутится она. – Двадцать минут просидеть в духоте! Это ж надо!»

Эмма Михайловна подобрала болтающийся Джумкин поводок, набрала полные легкие воздуха, села в машину, повернулась и увидела изуродованное и совершенно мертвое лицо своего мужа.

2

– Все, поехали, – Лобов сложил зонт, захлопнул дверцу служебной «Волги» и громко чихнул. – Черт, не успел из отпуска выйти, как на тебе, пожалуйста...

Он пристроил мокрый зонтик в ногах, чтобы не текло на одежду, вытащил из кармана большой клетчатый носовой платок, развернул его и протяжно высморкался.

– Ты, майор, вчера говорил: «Бабье лето, бабье лето...» Вот и накаркал, вот тебе и бабье лето, – проворчал эксперт Сотников, скорчившийся на заднем сиденье, – плащ его был совершенно мокрым.

– Так вчера весь день солнце светило, а сейчас вон, пожалуйста...

– Конец сентября, что ты хочешь? – вяло протянул Сурин, известный всей Петровке своим пессимизмом.

- Да ладно! Сентябрь - это же еще лето!

- Это в Сочи - лето, а у нас, скажи спасибо, что снег еще не пошел...

«Волга» развернулась, расплескивая лужи, и выехала за пределы двора. Все вымокли и продрогли, работая под проливным дождем, начавшимся вскоре после приезда следственной бригады, и говорить о происшедшем здесь два с половиной часа назад убийстве заместителя министра иностранных дел Леонида Сергеевича Сапрыкина никому не хотелось.

3

Солнце село, и двор большого «дипломатического» дома на Брянской сразу показался сырым и неуютным.

- Маш, нам пора... Пошли?

Трехлетняя Маша встала и послушно протянула матери маленькую, испачканную песком руку.

- А игрушки? Надо собрать... И смотри, ты вся в песке... Давай-ка я тебя отряхну...

Девочка дала себя отряхнуть, села на корточки, собрала разбросанные по песку формочки и принялась ловко вкладывать одну в другую. В светлых брючках и круглой красной панамке, она была похожа на маленькую сыроежку.

- Собрала? Ну и молодец. Пошли! - Женя протянула дочери руку.

Они выбрались за пределы детской площадки и остановились, чтобы пропустить машину, и в этот момент кто-то окликнул ее:

- Женька!

Они обернулись обе, как по команде, через левое плечо, и сразу стало заметно, как они похожи.

- Лора! Не может быть! Ты откуда?

- Я-то из Парижа, а вот ты... Это что ж такое?! - Лора кивнула на Машу. - Неужели твоя?!

- Моя, - ответила Женя и улыбнулась.

- Вот это да! - воскликнула Лора и наклонилась к девочке. - И как же тебя зовут?

- Мафа, - сказала Маша.

- Мафа! Какая молодец!

- Не Мафа, а Мафа, - поправила девочка и строго взглянула на собеседницу.

- Ну конечно, ты Маша! Это я такая недогадливая, не сердись. Сколько же тебе лет, Маша?

- Три года, - сказала Маша и показала три пальца.

- Боже мой, Женька, когда это ты успела? Мы с тобой виделись, по-моему, незадолго до моего отъезда, и ты рожать вроде не собиралась?..

- Виделись мы, положим, пять лет назад...

- Неужели? Время-то как летит! Ну, рассказывай, кто наш муж?

- Наш муж - объелся груш. На самом деле никакого мужа нет. Вот так.

- Мува нет, - сурово добавила Маша.

- Ах ты моя хорошая! Мужа нет? Ну и ладно... Нет так нет. Женька, ты что же, живешь в этом доме?

Женя слегка поморщилась.

– Я живу у своих.

– Да-а?! Что такого невероятного должно было случиться, чтобы ты согласилась вернуться к родителям?

Женя нахмурилась.

– Много чего.

– А что, – испугалась Лора, – что-нибудь действительно?..

– Три года назад погиб мой брат. Разве ты не слышала?

– Да что ты! Не-ет... я ничего не знала... Я только слышала, что он уехал в командировку в Нью-Йорк. Он, что же, там и погиб?

– Нет. Приехал на несколько дней в Москву и... В общем, его убили.

– Да что ты! Кто?! Почему?

– Неизвестно. Никого не нашли.

Лора вздохнула.

– Да Господи, чего там?.. Мужик из-за границы, хорошо одетый, видно, что при деньгах... Ограбили, наверное, и все... Какой ужас! Как же теперь его семья?

– Семья в Америке.

– Как это?

– Так, – Женя пожала плечами. – Ольга нашла там работу и осталась.

– А мальчик?

– Естественно, с ней.

– Погоди, ему сколько?

– Сейчас двенадцать, а тогда было, соответственно, девять.

– А как же твои?

– Что – мои?

– Ну, родители, я имею в виду... Как они к этому отнеслись? Все-таки внук... Да еще после смерти сына... Какой кошма-ар... – Лора покачала головой. – Так вот почему ты переехала к ним?..

Женя помолчала и неохотно произнесла:

– Они очень любят Машку.

– Да-а... понятно... и что же ты теперь?..

– Слушай, Лора, может, лучше поговорим о тебе? Вы вернулись? Совсем?

– Женька-а... увы. Так не хотелось уезжать из Парижа... Знаешь, я там работала. В школе при посольстве.

– Да?

– Ну да, пристроилась как жена дипломата преподавать французский язык. Платили, правда, копейки, но, знаешь, все лучше, чем ничего. Но я тебе скажу, – она хихикнула, – это такой маразм...

– Что – маразм?

– Слушай, что мы с тобой стоим? – Лора огляделась. – Вон скамейка, может, сядем на минутку?

Они вернулись на детскую площадку, и Женя отдала Маше корзинку с формочками:

– Ты пока поиграй, а мы с тетей Лорой немного поговорим, хорошо?

Маша отошла к песочнице, перелезла через бортик и села на корточки.

– Чугдная девка! – сказала Лора, посмотрев ей вслед. – Какая ты молодец, Женька, а мы с Вадиком все никак не решимся...

– Так что – маразм?

– Ах, ну да. Представляешь, в школе, в Париже, работает одна провинция: учителя из Воронежа, из Тулы или там... из Рязани. Кошмар! Песни под гармонь поют. Был там один экземпляр, учитель музыки – бывший массовик-затейник. Так он на новогодних посиделках изображал Деда Мороза и одновременно развлекал народ как умел. Ставил кого-нибудь из мужчин на стул, потом вызывал из публики женщину, завязывал глаза, давал ей в руки яблоко, которое она должна была просунуть мужику в левую штанину, пропихнуть вверх и перебросить в правую. Как тебе такой аттракцион?

– Здорово, – усмехнулась Женя.

– Это еще не все. Потом все вставали в круг – мужчины и женщины по очереди. Этот идиот выдавал кому-то одному полуметровую толстую палку, которую надо было зажать между ногами и передать соседу, вернее, соседке, – в то же место и без помощи рук.

– Надо будет взять на вооружение, – улыбнулась Женя, – у отца скоро гости...

– Ха-ха! Представляю себе Василия Демьяновича!.. Кстати, у вас тут, говорят, позавчера Сапрыкина уколошили? Ты слышала?

– Еще бы!

- Кошма-ар! Что говорит отец?

- Ни-че-го.

- А-а... Ну да, понятно. Вадик говорит, в МИДе такой переполох... А во вчерашней газете статья этого... как его... Хинштама... Не читала?

Женя покачала головой.

- Я газет не читаю.

- Ты? Не читаешь газет? Совсем? Слушай, Женька, ты вообще-то работаешь или сидишь дома?

- Работаю, конечно.

- Все там же? В «Московском курьере»?

- Я оттуда давно ушла. И с тех пор даже успела переквалифицироваться.

- В управдомы?

- Почти. Я теперь – ландшафтный дизайнер.

- Да-а? Как это тебя угораздило? С твоим, так сказать, пером, знанием языков и вообще... с твоей головой... заниматься фикусами?!

Женя улыбнулась.

- Ты так говоришь, потому что не знаешь их... Они – славные ребята... И главное, молчаливые. Если б ты знала, как мне надоела эта мышинная возня с кандидатами, депутатами и прочими деятелями...

- Понятно... Хотя и не очень...

– Ты за меня не переживай. У нас с Машкой все хорошо.

– Ну-ну. Хочешь, я тебе покажу, как мы жили в Париже? Я тут кое-какие фотки прихватила...

Лора достала из сумочки несколько фотографий и протянула Жене.

– Вот, смотри. Это мы с Вадиком на Елисейских Полях. Это у Лувра. Это, сама видишь, под Эйфелевой башней. А это, – она фыркнула, – первое сентября. «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно». Это я. Как тебе костюмчик? Ничего, да? В «Самаритэне» прикупила. А это наш завуч. Тот еще был тип. Представляешь, первого сентября все должны были играть в «Страну знаний». Выгоняли всех во двор, и детки носились между «станциями», которым он лично присваивал названия: «Читалкино», «Считалкино», «Поделкино» и тэ дэ...

– А у тебя, значит, было «Языкалкино»? – Женя подняла голову и посмотрела на дочь. – Маш, тебе не холодно?

Маша молча покачала головой.

– Чудная девка, просто чудная! – умилилась Лора. – А это, смотри, наше авто. У Вадика сперва был «рено», а потом нам его поменяли на «форд». Женька-а! Машина – класс!.. А это в Довиле. Мы там отдохали, на даче, несколько дней, перед самым отъездом. Я там так загорела! Смотри!

Лора встала, загородив собой песочницу, распахнула плащ и приподняла джемпер, обнажив кусок живота.

– Здорово, да?

– Красивый животик.

– Я там еще к тому же сбросила четыре кило... Диета по Монтиньяку, слышала?

– Смутно.

– Ну, тебе-то она ни к чему... Женька, там такое море, такая вода... не поверишь
– двадцать три градуса, как на юге.

– Мы с Машкой тоже хотели поехать на море, – вздохнула Женя.

– Так у вас же дача!

– Вот именно.

– А-а... понятно. Бабушка с дедушкой не пустили...

– Ну... так вышло. Ничего, зато в будущем году мы уж точно поедем. Правда, Маш?

Лора прикрыла живот и отошла в сторону. На песке в беспорядке валялись совки и разноцветные пластмассовые формочки, но Маши не было. Она исчезла.

4

Кабинет полковника Богданова был залит ярким утренним солнцем, но по каким-то неуловимым признакам чувствовалось, что лето кончилось и это солнце – последнее.

– Ладно, с этим ясно, – буркнул полковник. – Теперь по Сапрыкину. Давай, Юра, слушаю тебя.

– Так, значит... – начал Лобов, уткнувшись в блокнот, – Леонид Сергеевич Сапрыкин, пятьдесят четыре года... заместитель министра иностранных дел... в субботу, 27 сентября, предположительно в промежутке между 20.00 и 20.10 убит с близкого расстояния выстрелом в голову в своей машине... во дворе своего же дома на Брянской, 4... Стреляли в упор... Время установлено по показаниям жены убитого.

– Она слышала выстрел?

- Нет. Она утверждает, что он сигналил ей, чтобы она поторопилась, и что после последнего сигнала прошло не более пяти минут.

- Может, это не он сигналил?

- Она говорит, что уверена...

- Ладно, продолжай. Свидетели есть?

- Свидетелей, Олег Иванович, нет. Опросили практически всех жильцов, кто в это время был дома, - выстрела никто не слышал...

- Значит, был глушитель. Или плохо опросили, - сердито перебил полковник. - Чтобы в субботу вечером во дворе, пока такая погода, не было людей...

- По поводу погоды вы зря, - возразил Лобов, - во-первых, вечерами сейчас уже совсем не так тепло, во-вторых, сразу после убийства начался жуткий ливень...

- Ты мне мозги не пудри - давай дальше.

- Правая щека убитого обезображена кислотой... предположительно. Экспертиза будет готова к 15 часам.

- Орудие убийства?

- Отсутствует. В салоне машины обнаружена стреляная гильза от пистолета Макарова. Баллистика будет готова вот-вот...

- Кто там у нас сегодня?

- Демидов.

- Ну так поторопи его, пусть побыстрее сделают, - проворчал полковник, - меня уже достали с этим Сапрыкиным... Что еще?

- Еще в бардачке обнаружена интересная газетка «Спид-инфо». На странице, где предлагают телефоны девочек и прочих интимуслуг, несколько номеров обведены черным фломастером. А в самой газетке завернуты фотографии соответствующего содержания...
- Порнография, что ли? – перебил полковник, поморщившись.
- Она, родимая. Только не с девочками, так сказать, а с мальчиками...
- Так он голубой?
- Откуда ж мне знать, Олег Иванович? Вот получим отчет судмедэксперта, тогда что-то, может быть, и прояснится...
- А что по этому поводу говорит жена?
- Жена в больнице с гипертоническим кризом. Я у нее сегодня был – задал несколько вопросов. А потом меня оттуда выставили. Врач говорит, с ней можно будет побеседовать только завтра.
- Стало быть, завтра и побеседуешь.
- Я, конечно, готов, только она не в себе. Про «Спид-инфо» говорит, что ее муж никогда таких газет не читал, а про остальное вообще говорить не может – только повторяет: «Если бы не лифт, если бы не лифт...» Я от нее еле добился, куда они собирались ехать.
- И куда же?
- На пятидесятипятiletие к господину Гришакову...
- Что за Гришаков?.. – полковник наморщил лоб. – Знакомая фамилия...
- Владелец крупнейшей сети агентств по продаже недвижимости. И между прочим, бывший дипломат, коллега и друг Сапрыкина.

- А при чем тут лифт?

- Она застряла между вторым и третьим этажом, когда спускалась. Правда, просидела очень недолго, минут пять - семь, я в диспетчерской проверил - они подтверждают. А сигналил он ей за минуту до того, как она вышла из квартиры.

- А ты спросил, что было с лифтом? Может, его кто-то нарочно - того...

- Спросил. Говорят, этот лифт в четвертом подъезде барахлил еще с лета.

- А монтеры? Может, они чего видели?

- Нет. Они шли из диспетчерской - это справа от подъезда. А машина стояла слева, в стороне.

- Все равно, надо узнать, не болтался ли в подъезде кто-нибудь посторонний... Консьержка в доме есть?

- Нет.

- Н-да... - полковник почесал подбородок, - что ж, получается, убийца сел к нему в машину и выстрелил, пока жена была в лифте?..

- Выходит, так.

- Все?

- Пока все.

- Ну, - полковник обвел присутствующих сердитым взглядом, - какие будут соображения?

- Этот ожог у него на лице... - проговорил Сурин и замолчал, будто не решаясь высказать мысль до конца.

- Ну? Что - ожог?

- Не нравится он мне...

Все улыбнулись, а кто-то даже хихикнул вслух. «Не нравится мне» – было любимым выражением Сурина.

- Ты поконкретнее не хочешь высказаться? – спросил полковник.

- Может, и хочу... – неопределенно отозвался Сурин. – Я вот спрашиваю себя – зачем убийца это сделал? Если бы он хотел его изуродовать, чтобы затруднить опознание, то облил бы все лицо...

- А если он не успел?

- Неважно, успел или нет, потому что цель-то у него все равно была другая.

- Другая?

- Какой смысл уродовать лицо, если жертва сидит в собственном автомобиле возле подъезда собственного дома и ждет собственную жену, которая так и так его опознает, изуродован он или нет?

Все помолчали.

- Это ты верно заметил, – проговорил полковник. Что-то еще?

- Не знаю, – пожал плечами Сурин, – мне почему-то кажется, что это сделала женщина... может, я, конечно, ошибаюсь, но как-то это не по-мужски... И еще... что-то тут есть такое... сам не пойму – что именно...

Сурин замолчал и мрачно уставился в одну точку.

- Ну? Все сказал? Какие еще будут соображения?

Все молчали.

- Понятно. Никаких. Веселая история, ничего не скажешь.

- Олег Иванович, - начал Лобов, - подождем результатов экспертиз. Надо понять, что там с пальцами. В любом случае, на заказ это не похоже - слишком все непрофессионально.

- А на что, по-твоему, это похоже? Мотив, хоть какой-нибудь, можно предположить?

- Пока нет.

- Заместителем министра его назначили недавно, так?

- Да, в начале августа.

- Так, может, он кого обошел?

- Может, и обошел, но что ж вы думаете, из-за этого мочить? Это ж все-таки дипломаты, а не какие-нибудь там...

- Сказать тебе, что я думаю? - рявкнул полковник. - Я думаю, если это не заказное убийство, то убили его или из ревности, или из корысти, или из карьерных соображений. Так что берите ноги в руки и срочно выясняйте: ходил ли в казино, имел ли долги, не получал ли наследство, кто еще претендовал или мог претендовать на его место, бегал ли по девочкам или - тьфу! - по мальчикам, черт бы его побрал... Вообще, в том, что говорит Сурин, что-то есть... Может, действительно, баба? А если он голубой и у него ревнивый любовник, так это то же самое... - Полковник опять поморщился. - По телефонам этим газетным пройдитеесь... Но прежде всего идите в МИД, говорите с людьми, ищите друзей, врагов, сплетников. И во дворе еще раз поработайте. Не верю я, чтобы не нашлось ни одной старушки, которая бы чего-нибудь да не видела... И к жене - завтра же. Спросите, кто мог знать о том, что они собираются в гости. И самого - как его, Гришаков? - тоже потрясите хорошенько... И завтра же доложите. На сегодня все.

Не так уж много лет прошло с тех пор, как обитатели большого ведомственного дома на Брянской провожали Василия Демьяновича и Валентину Георгиевну Шрамковых почтительными, а то и завистливыми взглядами. Каждое утро Василий Демьянович со строгим лицом выходил из подъезда, не замечая сидящих на лавочке старушек – такие старушки откуда-то берутся даже в дипломатических домах, – и погружался в служебный автомобиль, увозивший его в высотку на Смоленскую площадь.

Часом позже на работу отправлялась и Валентина Георгиевна – в добротном сером или темно-синем костюме, со строгой прической и небольшим дамским портфелем в руках. Она сворачивала под арку и шла к метро, так как, несмотря на высокое положение Василия Демьяновича, члены семьи служебной машиной никогда не пользовались.

Сын Шрамковых, Виктор Васильевич, жил в соседнем подъезде того же дома со своей семьей и тоже работал на Смоленской, но в отличие от отца ездил на собственной светло-бежевой «Волге», стоявшей в подземном гараже в дальней части двора. Злые языки в МИДе утверждали, что своей успешной карьерой Виктор Васильевич был обязан авторитету и высокой должности Шрамкова-старшего, так как ни умом, ни способностями отца он не обладал. Старушки же в профессиональных достоинствах мидовских сотрудников не разбирались и кланялись Шрамкову-младшему с таким же почтением, как и его отцу.

Часов в одиннадцать во дворе появлялась Ольга, невестка, вывозившая на прогулку новорожденного сына в красивой заграничной коляске.

Еще у Шрамковых была дочь Женя, школьница. Старушки про нее говорили, что она шалапутная и что в семье не без уроды, и когда она проносилась мимо них по двору, осуждающе качали головами.

Первый удар по благополучию семьи судьба нанесла в конце 1991 года, когда Василия Демьяновича отправили на пенсию. Весь МИД перешептывался, передавая из уст в уста подробности декабрьской коллегии, на которой новый союзный министр, получивший назначение в качестве приза за отказ признать ГКЧП, в пух и прах разнес Василия Демьяновича и еще нескольких старейших работников министерства, поддержавших путчистов. «Пропуска на стол! Освобождайте кабинеты!» – орал он, брызжа слюной, и поговаривали, будто

уволенный среди прочих посол Свенцицкий, выйдя из зала заседаний, истерически расхохотался на глазах у изумленного кэргэбэшника, дежурившего на этаже.

Василий Демьянович вернулся в департамент, попрощался с подчиненными и отправился домой. Наутро, раскрыв газету, обнаружил фельетон на целую полосу, в котором скандально известный журналист Семен Хинштам обвинял ряд видных советских дипломатов, в том числе Шрамкова, в сотрудничестве с НКВД-КГБ, начиная с приснопамятных времен Андрея Вышинского.

С тех пор служебная машина больше уже не ждала его у подъезда в девятом часу утра. Выражение лица у него оставалось по-прежнему строгим, но теперь, выходя из дома, он иногда здоровался, и старушки хором отвечали, дружно кивая: «Здравствуйте, Василий Демьянович, доброе утро!»

В том же году, переживая за мужа, вышла на пенсию и Валентина Георгиевна, хотя могла бы еще работать и работать – она считалась хорошим специалистом в области трудового права – да и возраст позволял: она была на двенадцать лет моложе супруга. Но дело решили два обстоятельства: дочь Женя, которой к тому времени едва исполнилось семнадцать, несмотря на протесты родителей, бросила школу, сняла комнату и жила отдельно, а оставлять мужа одного в огромной пустой квартире Валентина Георгиевна не хотела. Кроме того, подрастал внук Сашенька, и чтобы дать возможность невестке защитить диплом, заботу о нем ей пришлось частично взять на себя.

По утрам Василий Демьянович гулял с внуком, и Валентина Георгиевна знала от Саши, что ходили они всегда по одному и тому же маршруту – через площадь Киевского вокзала и дальше по набережной, откуда хорошо просматривалась высотка на Смоленской. «Тоскует отец, – жаловалась она сыну, – ты бы зашел, поговорил».

Виктор Васильевич с семейством являлся в выходной, и они с отцом надолго закрывались в кабинете, а Валентина Георгиевна, хлопоча с Ольгой на кухне, время от времени прислушивалась к глухому голосу сына, пересказывающего последние новости с дипломатического фронта. «Что рассказывал Витя?» – робко интересовалась она после ухода детей, пугаясь молчания и мрачного вида Василия Демьяновича, но тот только хмурился и махал рукой. Видно, новости были неутешительные.

Прошло несколько лет. В 1996-м сменился очередной министр, и Валентине Георгиевне стало казаться, что муж начинает более или менее свыкаться со своим положением. Он стал лучше выглядеть, лучше есть и хорошо спать, по-прежнему много занимался с внуком, и один раз за семейным обедом она с удовольствием услышала, как он одобрительно высказался в адрес нового руководства. Тогда же, после долгого перерыва Василий Демьянович начал встречаться с бывшими коллегами по министерству, вышедшими или, точнее, уволенными на пенсию одновременно с ним.

К тому, что сын рано или поздно отправится в командировку, старики были готовы, но когда Виктор объявил, что через месяц уезжает, оба расстроились. Василий Демьянович лишился общества внука и возможности по воскресным дням поболтать с сыном о политике и новостях министерской жизни, а Валентина Георгиевна со страхом думала о муже, опасаясь возвращения его прежнего мрачного настроения. «Поговорил бы ты с Женей, – просила она сына, – вы уедете – что будет с отцом? Уговори ее вернуться». Но Виктор только раздражался: «Если вы не смогли призвать ее к порядку, когда это было еще возможно, что ты сейчас-то от меня хочешь? Она меня ни в грош не ставит».

Это было правдой. Валентина Георгиевна вспомнила, как однажды, во время какого-то спора, который вышел между ним и пятнадцатилетней Женей, Виктор заявил: «Таких, как ты, надо сажать, потому что вы – враги системы». – «Чего же ты ждешь? – усмехнулась Женя. – Донеси на меня». – «Надо будет, и донесу», – бросил в ответ Виктор, и Валентина Георгиевна никогда не могла забыть презрительный взгляд, который Женя бросила на брата. «Никогда, никогда они не помирятся, – думала она ночами, лежа без сна в своей постели, – что-то мы упустили, что-то сделали не так...»

В феврале старики проводили сына с невесткой и семилетним внуком в Нью-Йорк и остались одни. «Ничего, – говорила Валентина Георгиевна, робко заглядывая мужу в глаза, – время идет быстро, а Сашенька пока выучит английский язык... Да и для Вити хорошо переменить обстановку, а то он последнее время что-то совсем закис». Василий Демьянович молчал – он-то хорошо знал, почему не клеится карьера у его сына. «Ему бы Женькину голову», – думал Василий Демьянович и хмурился, как бывало всегда, когда он вспоминал о дочери.

Через два года Виктор Васильевич приехал на несколько дней в Москву. Привез подарки и два альбома с фотографиями, чтобы старики могли полюбоваться

нью-йоркской квартирой, черным «бьюиком» и повзрослевшим внуком. «Мультфильмы смотрит по-английски и все понимает», – удовлетворенно хмыкнув, сказал Виктор Васильевич. «Сам-то ты как? – спросила мать, тревожно оглядывая сына, – что-то ты похудел... и вид у тебя какой-то... нервный». – «Сомной все в порядке, мама», – отозвался Виктор Васильевич, и она почувствовала в его голосе легкое раздражение.

А еще через четыре дня тело Шрамкова-младшего с пулей в голове и ожогом от соляной кислоты на лице было обнаружено в сорока километрах от Москвы на обочине проселочной дороги в глубоком снегу. Ни родители, ни коллеги убитого не смогли ответить на вопрос, куда он отправился, уехав утром из дома, и тем более как очутился на Савеловском направлении, и следствие вскоре зашло в тупик.

Смерть Виктора, увы, не стала последней в череде бед, обрушившихся на стариков. Через три дня после похорон невестка Ольга заявила, что возвращается с Сашенькой в Америку и просит впредь не беспокоить ни ее, ни ее сына, а в качестве компенсации оставляет им свою трехкомнатную квартиру в полную собственность. И уехала на следующий день, даже не простившись.

И наконец, Женя, к которой вскоре после похорон Валентина Георгиевна отправилась выплакаться, а заодно уговорить вернуться домой, преподнесла очередной «сюрприз» – собралась родить ребенка без мужа. «Женя, Женечка, как же это ты?» – плача, повторяла Валентина Георгиевна, с ужасом глядя на выступающий дочерин живот, будто это был не живот беременной женщины, а воровское клеймо.

И только через год, когда Маше было уже девять месяцев и старики приехали и упросили Женю перебраться к ним, в квартиру на Брянской начала постепенно возвращаться жизнь.

6

На десятичасовое совещание у полковника Богданова Сурин опоздал.

– Та-ак... вот и пропавшая грамота явилась, – проворчал полковник, вперив в Сурина пронизательный взгляд. – Я уж вижу... Нет-нет, ты садись, потом выскажешься. – И повернулся к Лобову: – Давай, Юра, продолжай.

Лобов откашлялся.

– Так, значит, на фотографиях с порнухой сапрыкинских пальцев нет. Черного фломастера, которым обведены телефоны, ни в его квартире, ни в кабинете, ни в машине обнаружить не удалось. Его ближайшие сотрудники в один голос утверждают, что фломастеры он терпеть не мог и пользовался только своим «паркером» с золотым пером, который мы и нашли во внутреннем кармане пиджака. Вообще, в МИДе о нем отзываются как об исключительно порядочном человеке. Досуг всегда проводил у всех на виду, на даче – мангал, теннис, костерок и прочее. И между прочим, Гришаков, к которому Сапрыкины собирались в гости по поводу пятидесятилетия последнего, чуть меня не прибил, когда я намекнул на возможные гомосексуальные наклонности его друга...

– А этот Гришаков, между прочим, сам-то где был во время убийства?

– У Гришакова, Олег Иванович, алиби, подкрепленное показаниями практически нескольких десятков человек.

– Ладно, давай дальше.

– Так вот... о связях. Тот же Гришаков утверждает, что Сапрыкин имел любовницу, молодую женщину, сотрудницу министерства, э-э... – Лобов перевернул страницу блокнота, – фамилия ее – Зайцева Лидия Михайловна... и что у них ребенок, шестилетний мальчик.

– Так-так... – отозвался полковник.

– Тут нам, Олег Иванович, похоже, ничего не светит. Эта Зайцева второй месяц находится в командировке за границей, а именно в Бельгии. По словам Гришакова, она уехала вскоре после некоторого конфликта с Сапрыкиным, который никак не мог решиться бросить свою жену... – Лобов кашлянул. – В отличие, кстати, от самого Гришакова, у которого жена... гм... кх-кх... так сказать, совершенно новенькая, – Лобов улыбнулся, – и, прямо скажем...

- Про баб захотелось поболтать? – поднял глаза полковник. – Ну что ж, давай.

- Да ладно, это я так. Уж больно красивая – ноги от ушей растут.

- Представляю, – буркнул Богданов. – Ладно, ловелас, давай дальше.

Лобов слегка пожал плечами.

- Да, собственно, это все.

- Нет, не все. Этой Зайцевой надо заняться. Может, у нее был ревнивый любовник, который мстит Сапрыкину? И потом, я же просил собрать всю возможную информацию о его служебной деятельности, и в частности, принимал ли он какие-то кадровые решения, которые могли кого-нибудь сильно не устроить? И не перешел ли он кому-то дорогу – я имею в виду его назначение.

- Олег Иванович, мы уже начали все это проверять...

- Вот и проверяйте. И как можно скорей. А свидетельские показания? В доме Сапрыкина что-нибудь нарыли?

- Свидетельские показания очень разноречивые. Сосед, живущий в третьем подъезде, рядом с которым стоял сапрыкинский «опель», видел мужчину около машины, но не видел, чтобы он в нее садился или выходил из нее. Говорит, стоял неподалеку и оглядывался, как будто высматривал кого-то. Описать его толком не смог – говорит, не разглядел. А бабулька из того же подъезда утверждает, что видела, как в машину садилась женщина. Однако сказать, была ли это его жена или какая-то другая, не может, так как она близорука, а в тот момент была без очков.

- Так она когда ее видела-то?

- Неизвестно. Говорит, вечером – подошла к окну полить цветы. В котором часу – не помнит.

- Описать ее, конечно, тоже не может?

- Нет.

- Да-а... плохо... Судя по ожогу на лице и по тому, что порнуху ему явно подбросили, чтобы скомпрометировать, похоже, действовала женщина... - Богданов постучал пальцами по столу и повернулся к Сурину: - Ну? А у тебя что?

Сурин едва заметно усмехнулся.

- У меня новость.

- Надо думать, приятная? - скривился полковник.

- В некотором смысле, - мрачно отозвался Сурин.

- Докладывай.

- В январе девяносто девятого выстрелом в голову был убит некто Шрамков Виктор Васильевич... Между прочим, сотрудник МИДа. Так вот, у него на правой щеке тоже был ожог кислотой.

- Та-а-ак... Где ты это нарыл и почему вчера ничего не сказал?

- Этим делом занималась областная прокуратура... а у меня там дружок, бывший однокурсник, Миша Панкратов. Он мне тогда об этом рассказывал так, вскользь, поэтому я вчера и не вспомнил. А сегодня ночью меня как стукнуло...

- Так ты сегодня-то с ним говорил, с Панкратовым твоим?

- Ну да. Я потому и опоздал.

- Давай выкладывай.

- Труп несколько дней пролежал в снегу у проселочной дороги в сорока километрах к северу от Москвы... Тому, кто его перевез, шибко повезло - в те дни был сильнейший снегопад, и дорогу занесло так, что никаких следов местные сыскари не нашли. И что самое интересное, этот Шрамков жил в том же

доме на Брянской, что и Сапрыкин...

- Хорошенькая история, - проворчал полковник, - что еще?

- Кое-что есть. Убит он был из пистолета Макарова. Богданов помолчал.

- Что ж, дело ясное... Теперь Сапрыкина у нас заберет ФСБ.

- Почему, Олег Иванович?

- Да потому, что тут пахнет уже не женщиной, а кое-чем похуже!

Богданов обвел присутствующих недовольным взглядом.

- Значит, так. Пока его у нас не забрали, извольте работать. Во-первых, срочно поднять дело... как ты сказал, его зовут? Шрамков? Поднять дело Шрамкова и сверить результаты экспертиз. Ты, Юра, сегодня опять напрямик в МИД - выясняй, что между убитыми Сапрыкиным и Шрамковым было, так сказать, общего - командировки, или что-то на личной почве, или общий бизнес - может, у жен?.. Ну и прочее. Может, они были завербованы?.. Ну да это не наша епархия... И еще, - полковник повернулся к Сурину, - выясни, кто там остался в семье у этого Шрамкова? Жена, дети - не знаешь?

- Про жену не спросил, а вот отец его, между прочим, - бывшая шишка в МИДе.

- Тем лучше. Значит, так. Сперва в МИД, а потом к Шрамковым. Побеседуйте, только смотрите, повежливее и поосторожнее.

Лобов кивнул.

7

В большой четырехкомнатной квартире Шрамковых было тихо. Василий Демьянович заперся в кабинете и с кем-то вполголоса переговаривался по

телефону. Валентина Георгиевна лежала в спальне с мокрым полотенцем на голове. А Женя, стоя у кухонного окна и глядя во двор, где еще совсем недавно гуляла с ребенком, в который раз корила себя за то, что не уехала от родителей сразу после возвращения с дачи, как собиралась. «Надо было уехать, надо было уехать», – повторяла она в отчаянии, так как ей почему-то казалось, что если бы они с Машкой жили отдельно, то всего этого не случилось бы. Она и сама не могла объяснить – почему.

А вместо этого она снова дала себя уговорить. «Поживите хотя бы до Нового года, – просила мать плачущим голосом, – пожалей отца». И Женя сдалась.

С тех пор как похитили Машку, прошло два дня. Неужели только два? Ей казалось, что позади уже целая вечность, так невыносимо долго тянулось время в замкнутом пространстве квартиры, наполненном страхом и взаимной отчужденностью. «Надо обратиться в милицию», – заявил Василий Демьянович, который всю жизнь прожил не как хотел, а как было нужно. «Никакой милиции не будет, – ответила Женя, никогда не понимавшая и ни принимавшая принципов своего отца, – я хочу получить своего ребенка живым». – «Женя, Женя, что ты говоришь? – принималась плакать мать, – разве папа хочет чего-то плохого?»

«Никто никогда не хотел ничего плохого в этом доме, – думала Женя, – почему же здесь всегда было так невыносимо жить?»

Ей было шестнадцать, когда она впервые ушла от родителей и поселилась у Жени Белоуса, своего тезки, с которым познакомилась в Таллине на соревнованиях по картингу. Они пили пиво в кафе на Ратушной площади, и он рассказывал ей о своих родителях:

– У меня отличные старики: отец – сейсмолог, а мать – при нем, ездит с ними поваром. Представляешь, им по сорок шесть, а они влюблены друг в друга, как школьники. А твои чем занимаются?

Каждый раз, когда кто-то из ребят задавал ей этот вопрос, она испытывала чувство неловкости. «Мой отец – посол», – отвечала она, и на нее смотрели либо с завистью, либо с презрением: «А-а, номенклатура, все ясно...» Ей хотелось крикнуть: «Что – ясно? Что вам может быть ясно, если вы не живете в доме, где вас никто не понимает? У меня, конечно, есть шмотки, и видюшник, и даже

компьютер, но у меня нет главного – ни любви, ни свободы, ни нормального общения». Но стоило ей начать что-нибудь объяснять, как в ответ ей раздавалось: «Ладно, не выпендривайся...»

С тех пор она стала скрывать от сверстников, кто ее родители, и тогда в Таллине Женя Белоус был первым человеком, который понял ее.

– Понимаешь, мой отец, наверное, неплохой человек, – говорила она. – Он не украдет, не ударит женщину, не обидит ребенка. Но он, он... не знаю, как объяснить... Он как машина... как хорошо отлаженный механизм... как передовица «Правды»... Как-то на лекции, которую его попросили прочитать в доме отдыха, он должен был рассказать о Швеции, где он был послом. Так он вместо того, чтобы сказать какие-то человеческие слова, вначале долго вещал о внешней политике партии и правительства, а потом так расписал Стокгольм, что если у кого из присутствующих и было желание когда-нибудь туда смотаться на досуге, то после этого оно уж точно пропало. Он даже не постеснялся сказать, что это город контрастов. – И мрачно добавила: – Если, конечно, кто-нибудь ему поверил...

– Что ты хочешь? Он же чиновник...

Женя горько усмехнулась.

– Если бы еще он был чиновником только на работе!.. Но он такой и дома. С ним же невозможно говорить. Стоит сказать что-нибудь, что на пять градусов отклоняется от линии партии, – все, хоть святых выноси...

– Да-а... А братья-сестры у тебя есть?

– Есть брат, – уныло ответила Женя, – но с ним еще хуже...

– Как это?

– Он такой же, как отец. И потом, он старше меня на восемнадцать лет.

– Ого!

- Ну да... И предки у меня старые... Я, что называется, поздний ребенок.

- А твой брат кто?

Женя махнула рукой.

- Да... тоже в МИДе работает.

- Понятно, - усмехнулся Белоус, - рабочая династия? Действительно - как в газете...

- Тебе хорошо - у тебя такие родители... А я как подумаю, что надо возвращаться в Москву... брр! У нас в доме как в склепе. Отец мрачный, не разговаривает.

Мать ходит на цыпочках, боится его потревожить. В квартире тихо - ни музыки, ни голосов. Даже собаки нет. Как будто покойник в доме... Знаешь, какая у меня любимая песня? Помнишь, Чайфы поют: «Есть еще здесь хоть кто-то, кроме меня?..»

- А почему у вас так?

- Отец, видишь ли, переживает за судьбу страны - он всегда переживает за что-нибудь глобальное... за судьбу мировой революции, например... Ну и своей конторы заодно. У них же там в МИДе тоже перестройка...

- Ну и что? Плохо, что ли?

- Что ты в этом понимаешь? Когда Громыко на пенсию отправили, отец весь черный ходил...

- Громыко - это кто?

Женя посмотрела на него и расхохоталась:

– Ну ты даешь! Тебе сколько? Семнадцать? Счастливый человек! Прожить семнадцать лет и не знать, кто такой Громыко! Андрей Андреич – бывший министр иностранных дел, да еще и член политбюро в придачу.

– А-а... ну да, я, кажется, слышал... А ты сама-то была за границей?

– Была. Меня в интернате боялись оставлять.

– Чего боялись?

– Не знаю, наверное, тлетворного влияния буржуазной культуры через посредство моих сверстников, отпрысков дипломатических семейств.

– Как это?

– Ты не поймешь. Ты же не учился в привилегированной английской спецшколе и не знаешь, какие бывают дипломатические детки и чем они занимаются в свободное от учебы время.

– А меня оставляли. Сколько раз. И не в интернате, а одного. Я и сейчас один. Хочешь, переезжай ко мне? Я все равно на той неделе уезжаю на тренировки... А ты – поживешь без предков... делай что хочешь...

– А... можно?

– Я же говорю – живи, пока родителей нет. Да и потом, когда вернутся... Они отличные старики, вот увидишь...

Так Женя оказалась в Нагатине, и там, в малогабаритной двухкомнатной квартире, заваленной автомобильными покрышками и пахнущей бензином, впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему свободной.

Когда месяцем позже приехали родители Белоуса, ей пришлось вернуться домой, потому что пользоваться гостеприимством этих симпатичных людей, сидя у них на голове в крошечной квартирке, она не хотела. Она хорошо помнила, как ехала домой и как ее тошнило при мысли о том, что ее ждет.

В квартире было тихо, как всегда. Мать, увидев ее на пороге, прошла в столовую и села в своей любимой позе – боком к круглому полированному столу – и, уставившись в одну точку, застучала пальцами. Отец, вернувшись с работы и с одного взгляда оценив обстановку в доме, медленно разделся, надел тапочки, вымыл руки и только после этого подошел к ней и жестко сказал: «Дай мне адрес и телефон этого мерзавца. Немедленно». – «Какого мерзавца?» – опешила она. «Того, кто тебя соблазнил «А-а, сцена из мелодрамы “Возвращение блудной дочери”», – проговорила она, усмехнувшись, и собиралась добавить, что у нее ничего не было и не могло быть с этим наивным парнем с пахнущими бензином руками и что он явно не тянул на роль совратителя малолетних, но она не успела – отец вlepил ей пощечину, которая, ей казалось, горела у нее на лице до сих пор.

В тот день она приняла решение уйти из дома при первой же возможности, и в сентябре после грандиозного скандала с директором школы и собственным отцом забрала документы. «Зачем ты это сделала? – причитала мать. – Тебе надо учиться». – «Это моя жизнь, – тихо ответила Женя, – и я проживу ее, как хочу». И уехала к подруге.

– Понимаешь, они думают, что я спала с ним. А у меня и в мыслях этого не было. Да и у него тоже. Но дело не в этом. Дело в том, что это совершенно, ну совершенно их не касается! И как они смеют считать меня шлюхой!

– Ты сама виновата, – отвечала рассудительная подруга, – надо было объяснить им, к кому и зачем ты уходишь.

– Объяснить?! – взрывалась Женя. – А они мне когда-нибудь что-нибудь объяснили? Ты думаешь, они хоть раз поговорили со мной по-человечески? Не знаю, как ты справлялась с ужасами полового созревания, но в нашем семействе эта тема всегда была табу. И не только тема, но, по-моему, и сам процесс. Мне иногда кажется, что мы с братом появились в результате вегетативного размножения. Не смейся! Просто невозможно представить себе, чтобы они когда-нибудь этим занимались, разве что по инструкции или по рекомендации парткома... Брр! И это они, они сами виноваты, что я могу так думать о них! Потому что, если бы они были хоть немного, хоть чуточку живыми людьми, я бы себе этого никогда не позволила!

Она звонила им время от времени, спрашивала, как дела и здоров ли отец, потому что он сам никогда с ней не говорил, а она особенно и не стремилась к

этому. Если отец был дома, мать, стараясь выдержать подобающий событию тон, говорила сухо, сдержанно и почти ни о чем ее не расспрашивала, и поэтому Женя всегда выбирала для звонка как можно более поздний час. Если же случалось, что он все-таки отсутствовал, засидевшись в высотке на Смоленской, мать беспокойно интересовалась: «Как ты питаешься?» – будто ей, Жене, всерьез могла грозить голодная смерть, а под конец плачущим голосом повторяла одну и ту же фразу: «Вернись, ты несправедлива к отцу – он не желал тебе зла».

И Женя, стиснув зубы, потому что, несмотря ни на что, жалела ее, отвечала: «Нет, мама, я не вернусь».

Прошел год, и в августе 91-го они с друзьями, глядя на всполохи сигнальных ракет, освещавших ночное небо над Москва-рекой, сидели у стен Белого дома, готовые умереть за свободу, которая тогда представлялась им реальной и легко достижимой. Символом этой свободы для нее навсегда остался подросток с привязанными к рюкзаку разноцветными шариками, катающийся на роликовых коньках в Александровском саду, еще вчера таком чопорно-официальном, где, казалось, можно ходить только на цыпочках, не поднимая глаз.

Когда отца выперли на пенсию, Валентина Георгиевна, разговаривая с ней, плакала, закрывая трубку рукой: «Вернись – папа сам не свой. Я боюсь за него». И Женя, как могла, старалась объяснить матери, что она – последний человек, способный утешить отца, верой и правдой служившего режиму, который она, его родная дочь, ненавидела всей душой. Да и как она могла вернуться в дом, где давно умерло время, когда по улицам Москвы, поднимая с асфальта опавшие листья, гулял пьяный ветер свободы?..

«И потом, зачем им я? – возмущалась про себя Женя. – У них есть сын, и внук, и послушная невестка... И все они так хорошо понимают друг друга...»

Женя окончила вечернюю школу, поступила на факультет журналистики и с четвертого курса, в ту пору еще не израсходовав свой демократический энтузиазм, начала работать в учрежденной мэрией газете. Впрочем, довольно скоро разочаровавшись в людях, которые в перестроечные времена выдавали себя за сторонников либеральных ценностей, а на деле оказались хищными и циничными прагматиками, и к тому же пережив личную драму, Женя из газеты ушла. Надо было как-то жить, и она отправилась на курсы ландшафтного и фитодизайна и, окончив их, быстро стала хорошим специалистом.

После смерти брата она, прихватив Машу, все-таки переехала к родителям, изо всех сил стараясь забыть, как проплакала всю ночь после того, как мать испуганно и брезгливо таращилась на ее живот.

Впрочем, возвращение в отчий дом вовсе не стало фактом окончательного примирения. Они продолжали жить как враждующие стороны, заключившие на время что-то вроде пакта о ненападении. При этом каждый оставлял за собой право в любую минуту разорвать соглашение, если другая сторона нарушит хрупкие условия мира. Старики словно говорили: «Мы, конечно, любим твою дочь, но что касается тебя – с тобой еще надо разобраться и посмотреть, как ты будешь себя вести». Ответ же легко читался в Жениных глазах: «Имейте в виду – я все помню, и стоит вам хоть чуть-чуть зацепить мою свободу или попытаться навязать моей дочери ваши взгляды на жизнь, которые я по-прежнему не разделяю, как мы немедленно уйдем от вас».

Например, Женя бдительно следила, чтобы родители читали ребенку только те книги, которые она разрешала, и ни в коем случае не «вкручивали» ей «большевистский репертуар». Валентина Георгиевна быстро примирилась с подобным ограничением и легко обходилась сказками братьев Grimm, Андерсена или Шарля Перро. Василию же Демьяновичу, обладавшему немалым даром, отточенным в свое время на внуке Сашеньке, рассказывать о героических днях революции и подвиге восставшего народа, пришлось куда как хуже, тем более что по части знания детской классики он явно отставал от жены.

Жениной цензуре подвергались и телепередачи. Между Женей, не любившей «ящик», и Валентиной Георгиевной, способной часами смотреть как бразильские сериалы, так и старые советские фильмы, часто вспыхивали ссоры. При этом Женя никогда не упускала случая бросить что-нибудь издевательское в адрес интересующей мать картины. «Подожди, не выключай, – просила Валентина Георгиевна, – сейчас будет мой любимый фильм». – «Какой это?» – подозрительно шурилась Женя. «Служили два товарища», – отвечала Валентина Георгиевна, удобно устраиваясь в кресле. «А-а, понятно. Два товарища – это Высоцкий и его лошадь... Только, пожалуйста, без Машки». И выходила из комнаты, плотно закрывая за собой дверь.

При этом Женя так вымуштровала их, что они следили за каждым своим словом, боясь нарушить «конвенцию» и лишиться общества дочери и внуки.

Обстановка разрядилась совсем недавно вследствие одного довольно комичного эпизода, происшедшего вскоре после приезда с дачи, когда Маша, вернувшись с матерью с прогулки, забрела к деду в кабинет и, увидев на открытой странице мемуаров, которые он читал, фотографию вождя революции, спросила: «Кто это?» Василий Демьянович, слегка покосившись на дочь, надевавшую в прихожей тапочки, осторожно ответил: «Дедушка Ленин», – и чуть не прикусил себе язык, до такой степени ему самому ответ показался «идеологизированным». В самом деле, почему интимно «дедушка», а не просто Ульянов-Ленин, российский политический деятель первой четверти двадцатого столетия?

Неизвестно, как бы отреагировала на это Женя, если бы трехлетняя Маша, не расслышав совершенно незнакомое ей слово «Ленин», не похерила нечаянную попытку деда «завладеть ее детским сознанием», абсурдно переспросив: «Чей-чей дедушка?»

И тогда оба, отец и дочь, впервые за долгие годы, быстро переглянувшись, в голос расхохотались.

И вот теперь она сидит в этой квартире, где никогда не чувствовала себя по-настоящему дома, и ждет звонка от человека, похитившего ее ребенка и требующего сто тысяч долларов в качестве выкупа. И даже теперь отец не хочет и не может ее понять, потому что упрямо продолжает жить в мире, который давно прекратил свое существование. Что он со своими представлениями и специфическим опытом, он, проживший полжизни за границей и встречаясь с себе подобными, может знать о теперешней жизни, о продажной милиции и тем более об этих отморозках, которые похитили ее ребенка? Он даже не смотрит телевизор, потому что заведомо ненавидит все, что составляет эту новую, непонятную и чуждую ему реальность. А она, Женя, неделю назад видела передачу о похитителях детей и знает, что эти люди способны на все... И она не собирается получать по почте страшные посылки и сходить с ума при мысли о том, что эти твари сделают с ее маленькой дочкой. И в милицию она не пойдет. Ни за что.

Вчера она слышала, как мать плачущим голосом уговаривала отца сходить с ней в церковь, а тот отказался. И Женя, так и не решившая для себя, чья позиция ей ближе или, вернее, дальше, – матери, которая раньше всегда называла священников не иначе как попами, а религию – мракобесием и никогда не разрешала ей даже близко подходить к церкви, или отца, оставшегося верным

своим марксистским принципам, несмотря на все современные веяния, наговорила им обоим много обидных слов.

– Ни в какую церковь я не пойду, – заявил Василий Демьянович. – Поймите же вы обе – здесь надо не молиться, а действовать. И действовать профессионально. Поэтому оставьте меня в покое и дайте мне, наконец, возможность позвонить в милицию и ФСБ.

– Я запрещаю... слышишь? – тихо сказала Женя, входя к нему в кабинет. – Я запрещаю тебе звонить куда бы то ни было. Я хочу получить свою дочь живой... живой, понимаешь? А если тебе жалко квартиру, так и скажи...

– Женя! Что ты говоришь! – заголосила мать. – Разве папа...

– Оставь ее, – перебил Василий Демьянович, устало опускаясь в кресло, – пусть делает, как знает. – И добавил: – Квартиры мне не жаль, потому что жить в ней не мне, а тебе и «твоей», как ты выражаешься, дочери... А так ты и квартиры лишишься, и...

– Хватит, – перебила Женя. – Не надо меня пугать. Вы достаточно пугали меня всю жизнь, а я хочу жить по-своему, и я... – Она почувствовала, что сейчас заплачет. – Почему, ну почему я не уехала к себе, как собиралась?

– Женя, Женечка, – запричитала мать, – разве мы с папой виноваты в том, что произошло?

– Никто ни в чем не виноват, только дайте мне слово, что вы не будете звонить ни в милицию, ни в вашу любимую гэбуху, никуда... – и Женя, не заметив, как от ее слов помрачнел отец, вышла из кабинета.

– Имей в виду, ты берешь на себя тяжелую ответственность, – донеслись до нее его слова.

Женя не спала уже третью ночь. Она даже не стелила себе постель – только бросала под голову подушку в наволочке. Ей казалось, что она не имеет права спать под теплым одеялом, пока Машка... «Нет, нет, не думать, не думать, не думать...» – приказывала себе Женя, потому что иначе ее захлестывала такая волна страха, жалости и ненависти, которая лишала ее последних сил. А силы – она знала – будут ей еще очень нужны.

Но не думать не получалось. Стоило ей приказать себе отключиться, как душу ее затопляло чувство неизбывной вины. Как это – не думать? И что значит – не думать? Спокойно жить, забыв о крошечном и совершенно беззащитном существе, которое она обязана была защищать и которое она предала из-за преступной беспечности?

Не думать не получалось еще и потому, что все, что ее окружало, напоминало ей о ребенке: шкатулка с бижутерией, в которой Машка так любила копаться, старое отцовское кресло, переехавшее в Женину комнату в тот год, когда она пошла в школу, – Машка так смешно карабкалась на него... занавеска, за которой она пряталась, когда они играли, фиалки на подоконнике, чьи бархатные листочки она осторожно трогала пальчиком, плюшевый зайчик, непонятно как оказавшийся в Жениных вещах, или крошечная заколка для волос, забытая в кармане Жениной куртки. Ее сердце больно сжималось даже от случайных слов, брошенных совершенно посторонними людьми – на улице или с экрана работающего на кухне маленького телевизора, который никто не смотрел, но и не выключал, подсознательно ища спасения от гнетущей тишины.

Эта тишина в огромной квартире, еще недавно наполненной звуками Машкиного голоса, смеха, топанья маленьких ножек, грохотом рассыпающихся построек из кубиков и писком говорящих игрушек, была самым страшным свидетельством происшедшего. Это была не та тишина, какая бывает в доме летним днем, когда от легкого ветра в безмолвии колышутся белые занавески, хрипло тикают старые часы, а с улицы изредка доносится случайный автомобильный гудок или приглушенный смех. Это была давящая, страшная, осязаемая, липкая тишина, про которую говорят – мертвая.

Два дня она пробегала, занимаясь продажей квартиры своего брата, пока не нашла агентство, согласившееся купить ее по чудовищно низкой цене, но зато сразу выплатить деньги. Эти деньги в небольшой спортивной сумке валялись под вешалкой в прихожей, а сама Женя, одетая и полностью готовая к выходу, лежала на кушетке и внимательно прислушивалась ко всему, что происходило в

доме, – к звонкам, глухому голосу отца, шаркающей походке матери. Она не доверяла им. Она была уверена, что стоит ей потерять бдительность, как они сделают какую-нибудь глупость, и тогда с Машей случится что-то непоправимое и страшное, о чем она не позволяла и не могла позволить себе думать.

В прихожей слышались их голоса, и Жене показалось, что они о чем-то спорят. Она приподнялась на локте и прислушалась.

– Зачем ты пойдешь? – недовольно спрашивал Василий Демьянович. – Все равно никто ничего не ест.

– Нет, я схожу, – упрямо отвечала Валентина Георгиевна, – в доме – ни крошки хлеба...

«Бедная мама, – подумала Женя, – даже сейчас не может сидеть без дела...»

Хлопнула входная дверь, и снова стало тихо. Когда через несколько минут в кабинете Василия Демьяновича зазвонил телефон, Женя вздрогнула. Она была уверена, что похититель позвонит на мобильный – не даром же он взял у нее номер, – но на всякий случай следила и за городским. Один звонок, второй, третий. Женя вскочила и бросилась в коридор.

– Алло! – выдохнула она, сняв трубку параллельного аппарата.

– Я бы хотел переговорить с Василием Демьяновичем, – произнес вежливый мужской голос. – Он дома?

– Да, минутку, – ответила Женя, соображая, где бы мог находиться отец и не заснул ли он у себя в кресле, но в этот момент услышала в уборной звук спускаемой воды.

– Тебя к телефону, – сказала Женя, когда отец вышел в коридор.

Василий Демьянович, ни слова не говоря, зашел в ванную, вымыл руки, тщательно и не торопясь вытер крахмальным полотенцем и подошел к аппарату.

Звонок был явно «не тот», но Женя все же подождала, пока отец возьмет трубку и произнесет своим слегка скрипучим начальственным голосом:

– Слушаю вас... Добрый день.

Окончательно успокоившись, Женя вернулась к себе. И в ту же секунду заверещал ее мобильный.

– Алло!

– Баксы достала? – услышала Женя.

– Да. Всё у меня.

Горло у нее пересохло, и голос звучал хрипло и глухо. Ей хотелось спросить, все ли в порядке с Машей, но она не решилась, опасаясь, что услышит отец.

– Ровно в десять выйдешь из дома и поедешь к Садовой. Я тебе позвоню. Насчет ментов я предупредил. И не забудь взять что-нибудь теплое для девчонки. – И нажал отбой.

Женя записала высветившийся на экране номер и подумала: «Слава Богу... похоже, отец ничего не слышал».

Она посмотрела на часы: было только начало седьмого. Ждать оставалось почти четыре часа. Она легла и закрыла глаза. Надо еще немного потерпеть, совсем чуть-чуть. Она представила себе, как Машка кинется к ней на шею и прижмется к ней теплым маленьким тельцем. Фраза об одежде для дочери ее, видимо, успокаивала, и она поймала себя на том, что думает о похитителе с гораздо большей нежностью, чем о собственных родителях.

Она проснулась от резкого звонка в дверь, села и схватила мобильник, чтобы посмотреть время. Без десяти девять. Она проспала три часа, даже не заметив, как заснула, словно провалилась в бездонный колодец. Кого там принесло? У матери есть ключ, и потом, она должна была давно вернуться.

Когда Женя вышла в коридор, Василий Демьянович уже открывал дверь.

На пороге стояли двое мужчин: один в куртке, другой в черном плаще.

– Здравствуйте... Василий Демьянович? – спросил первый и достал из кармана красную книжечку. – Майор Лобов и майор Сурин, – добавил он, кивнув на своего спутника.

– Здравствуйте, – спокойно ответил Василий Демьянович. – Прошу вас, проходите.

Женя не верила своим глазам.

– Ты... ты... как ты мог? Я же просила... я просила тебя не делать этого! Ты меня обманул... ты... – она задыхалась. – Ты воспользовался тем, что я заснула и... Ты меня сдал... меня и Машку... ментам... ты...

– Женя, это не то, что ты думаешь, – начал Василий Демьянович, покосившись на удивленных милиционеров, но Женя не слушала.

– А вы... имейте в виду... – она повернулась к Лобову, – если вы посмеете ехать за мной, я... я не знаю, что сделаю. Вы не имеете права без моего согласия лезть в это дело, слышите? Не имеете права!

Женя схватила сумку с деньгами и, оттолкнув обоих мужчин, бросилась на лестницу.

– Женя! Женя! Подожди!

Василий Демьянович выбежал на площадку, но Женя, не вызывая лифт, успела спуститься на целый пролет.

– Женя! Подожди! Ты не можешь ехать одна!

Женя махнула рукой и крикнула, не поднимая головы: – Не ждите нас! Мы не вернемся!

Василий Демьянович вошел в квартиру. Оба майора, удивленно переглядываясь, топтались на коврике в ожидании объяснений.

– Вы пришли кстати, – сказал Василий Демьянович, нахмурившись. – Мои внучка и дочь попали в беду.

9

Женя в бессильной ярости колесила по городу. Ей казалось, что это лучший способ дать понять похитителю – если он действительно следит за ней, – что она одна и никаких ментов поблизости нет и не может быть. Впрочем, она сама вовсе не была в этом уверена. В какой-то момент на Садовой ей показалось, что она уже видела рядом со своим «пежо» черную «Волгу» с двумя мужчинами, и перестроилась, чтобы уйти от нее по левому ряду. Но «Волга», опередив ее, вырвалась вперед и затерялась в потоке машин. Потом ей померещилось, что ее как-то уж слишком подозрительно разглядывает водитель «девятки», но тот у ближайшего светофора, мигнув поворотником, уехал вправо. Потом она попала в небольшую пробку, и это дало ей возможность спокойно осмотреться и убедиться, что в пределах видимости ничего подозрительного нет.

Вырвавшись из пробки, она свернула в первый же попавшийся переулок и притормозила у ветхого двухэтажного строения. Посмотрела в зеркало, чтобы окончательно убедиться, что никто за ней не следит, сообразила, что впопыхах не взяла теплые вещи для Маши, подумала, что завернет ее в свой свитер, и только сейчас вспомнила, что похититель велел ей выйти из дому ровно в десять.

Ей стало страшно. Вдруг из-за этого он не позвонит? Она же не знает, как он контролирует ее действия. Скорее всего, он следит за ней. Но как? Сидит во дворе на лавочке, закрывшись газетой? Смешно. Или она напрасно нервничает? Ведь, скорее всего, он будет следить не за ее подъездом, а за местом их будущей встречи, о котором она пока еще ничего не знает. А десять вечера он назначил просто потому, что такие вещи не делаются среди бела дня. В любом случае вернуться домой к десяти она уже не успевает. Да и нельзя ей возвращаться – там менты. И отец, которого она больше не хочет видеть. Никогда.

Она разом, словно прощаясь с ним, вспомнила все тяжелое, что было в их жизни. «Как ты мог? Как ты мог так поступить со мной? Со мной и с Машкой, которую ты якобы любишь? На самом деле ты никогда никого не любил, кроме себя и своей гнусной конторы. Мать пикнуть при тебе боится, все время заглядывает тебе в глаза, боится не угодить, ляпнуть что-нибудь лишнее. Всю жизнь она обслуживала тебя, пела под твою дудку, хотя могла бы сделать карьеру – когда-то она была неплохим юристом. Она и на пенсию ушла из-за тебя, чтобы ты не скучал, а ты просиживаешь целыми днями в своем кабинете один и не замечаешь ее присутствия. Впрочем, нет, вру – тебя раздражает, когда она смотрит телевизор, но тебе и в голову не приходит, что ей может быть скучно и одиноко. Как же, ты ведь у нас крутой, дипломат, борец за идеалы... А где они, эти идеалы? Они давно уже на помойке истории. Но ты не хочешь это признать, не хочешь смириться с тем, что мир переменился, и все еще надуваешь щеки, как тогда, когда ты был большим начальником и гонял своих подчиненных в хвост и в гриву. Конечно, ты ведь думал, что вершишь судьбы мира, а на самом деле вы были просто жалкими чиновниками на побегушках у политбюро... Ты гордился тем, что вышел из народа, а что ты знаешь об этом народе? Раз в год – в день своего рождения – со слезами умиления вспоминать, как когда-то вы ели картошку из одного чугуна? Ничего, зато потом у тебя были и спецраспределители, и собственный повар за границей, и горничные, и все остальное. И пока ты сидел в своих Стокгольмах и Парижах, народ тут доходил до ручки...

И сына ты воспитал по своему образу и подобию... И только со мной у тебя ничего не вышло. Потому что я раскусила вас еще в детстве – ваше ханжество, ваше холуйство, ваше высокомерие... И ты никогда не мог мне этого простить, никогда... Ты никогда не считался со мной, никогда не уважал ни меня, ни мои взгляды, ни мои убеждения... Тебя не интересовал мой внутренний мир, не интересовали люди, с которыми я дружу, книги, которые я читаю. Ты видел во мне дрянную девчонку, которая не хочет жить по вашим правилам... Ты, мой отец, считал меня чуть ли не шлюхой... и только потому позвал меня с Машкой в свой дом, что на старости лет остался один и тебе нужна была игрушка. Интересно, если бы Виктор был жив, и твоя невестка не бросила бы вас, и твой внук был бы с тобой, ты бы вспомнил о нашем с Машкой существовании или я так и осталась бы для вас изгоем, паршивым маргиналом, позором семьи, белой вороной? Представляю, как вы с матерью хватались за голову, узнав о моей беременности! Как боялись, что скажет княгиня Марья Алексевна о нашей благородной семейке, где все должно быть шито-крыто, где дочка должна учиться в МГИМО, а потом выйти замуж за дипломата, какого-нибудь молодого

хлыща в галстук, пресмыкающегося перед начальством, чтобы как можно скорее попасть за границу, но при этом так надувающего щеки, будто он по меньшей мере Талейран, Меттерних или князь Горчаков... А я не вышла замуж и не сделала карьеру, и вам не нравится моя профессия, потому вам все, все не нравится в моей жизни... А помнишь, ты дал мне пощечину, даже не спросив, виновата ли я в чем-нибудь перед вами, и до сих пор, до сих пор ни разу не вспомнил о ней и даже не подумал извиниться!»

Женя немного успокоилась. Она посидит в машине, пока не позвонит похититель, и если почувствует, что его намерения или настроение изменились, постарается ему объяснить, что произошло. В конце концов, если он хочет получить деньги, ему придется поверить ей на слово.

Зазвонил телефон. Женя посмотрела на дисплей: звонил отец. Что делать? Выслушивать его объяснения? Или, того хуже, извинения? Нет уж, она выслушает их потом. Потом, когда все будет позади и они с Машкой приедут к Татусе, которая, надо надеяться, пустит их на пару дней, пока она подыщет квартиру и няньку. А уж потом она поговорит с отцом и все ему объяснит. Так что сейчас пусть он лучше оставит ее в покое.

Было уже начало одиннадцатого. «Если он не позвонит в течение ближайших пятнадцати минут, значит, все, конец. Он передумал или испугался...» У нее заныло сердце, но она постаралась взять себя в руки. Ей еще столько предстоит сегодня!.. Главное, чтобы Машка была здорова и эта история не причинила ей непоправимого вреда. Одна надежда на то, что она еще слишком мала, чтобы по-настоящему испугаться.

Он позвонил, когда на часах было чуть больше половины одиннадцатого.

- Ты где?

- В Уланском переулке.

- В каком?!

- Уланском. Это около «Чистых прудов»...

Он выругался и сплюнул.

– Ладно. Езжай к Магистральной улице и встань сразу после поворота. Я перезвоню.

Женя завела двигатель и, прежде чем тронуться с места, развернула план Москвы. Эта чертова Магистральная... где она? А-а, вот... Далеко. Женя попыталась представить себе этот район, но не смогла. «Я никогда там не была... Впрочем, какая разница? Не на Тверской же встречаться...»

Женя вспомнила его голос, и ей показалось, что у него немного изменилась интонация. Она ни о чем не спросила его, да и что бы она могла сказать, не рискуя сболтнуть что-нибудь лишнее? Если бы было нужно, он бы спросил сам. И потом, он тоже наверняка нервничает.

Она вырулила на Садовую и поехала в сторону площади Восстания.

Ей пришлось немного поплутать, но в конце концов она выехала на Магистральную и остановилась. Улица была пустынна и освещалась рядом тускло горевших фонарей. Заморосил дождь, и лобовое стекло быстро покрылось каплями. Чтобы отвлечься и справиться с сердцебиением, Женя следила, как они стекают вниз под действием собственной тяжести.

Прошло еще несколько минут. Когда послышалось треньканье сотового, Женя вздрогнула.

– Поезжай вперед, медленно. Доедешь до второй арки и остановишься.

«Нервничает. Хочет убедиться, что я одна. Он прав. Господи, только бы все обошлось...»

Она вдруг подумала, что в трубке почему-то не слышен Машин голос. «Почему она молчит? Боится его? Боится плакать? Впрочем, не может же он таскать ее с собой. Он, наверное, посадил ее где-нибудь и сказал, что сейчас приедет мама».

Женя снова поймала себя на странном ощущении – на том, что почти оправдывает его, то есть действует как бы заодно с ним. «Что это со мной?»

Стокгольмский синдром?»

Через пять минут он перезвонил. Потребовал, чтобы она проехала еще немного, потом еще. Потом велел въехать во двор.

Женя свернула в подворотню и только теперь заметила, что дом нежилой. Справа от нее стояли переполненные мусорные контейнеры, на одном из которых местный остряк вывел белой масляной краской: «Фонд Сороса». В другом тлел подожженный мусор, и тошнотворно пахло гарью. Слева, тараша пустые глазницы окон, темнел пятиэтажный кирпичный дом.

- Вылезай из машины и иди вперед. Капусту не забудь, - приказал голос в трубке.

- Где моя дочь? - спросила Женя, изо всех сил сдерживая дрожь.

- Здесь, здесь, не психуй. Я вот только проверю, нет ли за тобой хвоста и все.

- Никого тут нет. Вы же видите, я одна, - сказала Женя и тут же подумала, что она действительно одна в этом чужом дворе с сумкой, набитой деньгами, и что ни одна живая душа не знает, где она и где ее искать в случае чего. Но задумываться над этим у нее уже не было времени, да и не могла она думать о себе, пока Маша была в опасности.

- Где моя дочь? - повторила она срывающимся голосом. - Немедленно приведите ее сюда или я...

- Не ори. Здесь твоя девка. Положи бабки в контейнер и иди забирай свое сокровище.

Женя взяла сумку и вышла из машины. Она вглядывалась в темноту, пытаясь понять, где может прятаться похититель и почему не слышно Машиного голоса, и в ту же секунду из зияющих пустотой окон второго этажа до нее донесся детский плач.

- Маша, Машенька, я здесь! - отчаянно крикнула Женя и, швырнув сумку в контейнер, бросилась в дом.

В подъезде выселенной под снос пятиэтажки было темно и пахло кошками и сырой штукатуркой. Вытянув руки, Женя сделала несколько шагов, пока не наткнулась на деревянные перила. Она нажала на кнопку мобильного, чтобы хоть немного осветить окружавшее ее пространство, и в зеленоватом мертвенном свете маленького экрана различила усыпанную строительным мусором лестницу. Наступая на битое стекло и клочья старых обоев, Женя бросилась вверх. Миновав первый пролет, она услышала слабый щелчок, и плач тут же прекратился.

– Маша, Машенька, не бойся! Это мама! Я иду! – крикнула Женя, рванулась вперед, споткнулась, больно ударив коленку, и выронила мобильник, который сразу же погас.

Чуть не плача от страха за ребенка, она принялась шарить вокруг себя в поисках телефона, как вдруг ее рука наткнулась на какой-то предмет. Она сразу догадалась, что это, как и догадалась обо всем остальном: это плакала не Маша – Машиным голосом плакал диктофон.

Не помня себя, она немного перемотала пленку назад. Что-то щелкнуло, потом еще раз, и тот же голос, который говорил с ней по телефону, насмешливо произнес: «Что ж ты так слабо?.. Условия надо выполнять...»

Она так и не поняла, что произошло потом. То ли ее ударили по голове, то ли она потеряла сознание и упала, сильно стукнувшись головой. Когда через несколько минут она пришла в себя, диктофона уже не было.

10

Гражданская панихида в Голубом зале Министерства иностранных дел, а затем на Хованском кладбище прошла как-то скомканно. Казалось, выступающие испытывают неловкость и стремятся поскорее свернуть траурные речи. Да и что говорить-то, в самом деле? Когда хоронят убеленного сединами бойца дипломатического фронта, тогда ясно: «После тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни старейший и заслуженный... и память навсегда сохранится в наших сердцах». А в промежутке – длинное перечисление заслуг, даже если их никогда и не было. Если умирает сорокалетний, в самом расцвете

сил и на самом приятном переломе карьеры – из секретарей в советники, – скорбный голос обязательно произнесет стандартную фразу о безвременной кончине: «Смерть вырвала из наших рядов...» Бывает, что дипломат погибает в автомобильной катастрофе где-нибудь... да где угодно, хоть в Аравийской пустыне. Иногда – при доставке какой-нибудь срочной депеши, а иногда и перебрав лишнего, например, на приеме у дуайена дипломатического корпуса по случаю дня рождения главы страны пребывания. Тогда при прощании ему обязательно зачтется, что он ухитрился уйти из жизни «при исполнении» и «далеко за рубежами нашей необъятной Родины».

Случай с Леонидом Сергеевичем Сапрыкиным не подпадал ни под один из вышеперечисленных. В самом деле, что тут скажешь? Бандитская пуля? Но, во-первых, до сих пор никто толком не знал, кому принадлежало оружие, из которого был произведен роковой выстрел. Во-вторых, такая «болванка» годилась бы скорее на похоронах какого-нибудь бравого сотрудника правоохранительных органов, но никак не заместителя министра иностранных дел, курирующего отношения с международными организациями. Можно было бы, конечно, приплести международный терроризм или чеченский след, но как его приплетешь, если благодаря гнусному журналюге Семену Хинштаму весь МИД – да и вся страна – знает, что три года назад из этого же оружия уложили Виктора Шрамкова из департамента по культурным связям. Этот же журналюга продолжает кропать грязные статейки, в которых утверждает, что в высотке на Смоленской завелся маньяк, отстреливающий своих идейных противников, что, между прочим, – полнейший бред, так как если Виктор Шрамков был известен своими ортодоксальными взглядами, то Леонид Сергеевич по своим убеждениям – западник и либерал.

И что самое возмутительное, этот Хинштам не постеснялся заявиться на кладбище – в МИД его, разумеется, не пустили, – и теперь жди очередного пасквиля то ли на покойника, то ли на кого-нибудь из присутствующих, то ли на все министерство.

Чувство неловкости усугублялось еще и тем, что помимо законно скорбящей вдовы на похоронах присутствовала любовница убиенного Лидочка Зайцева, приехавшая по этому случаю из Брюсселя. Все знали, что у Лидочки шестилетний сын Гриша, бойкий мальчик, похожий как две капли воды на Леонида Сергеевича, и что последний души в нем не чаял и отпустил их в краткосрочную командировку в «натовскую» столицу скрепя сердце. Маленький Гриша все спрашивал у матери: «Как это – скрипя сердцем?»

Запретить Лидочке, сотруднице министерства, присутствовать на панихиде, разумеется, никто не мог, и теперь все ужасно боялись скандала – характер вдовы, Эммы Михайловны Сапрыкиной, был всем хорошо известен.

Однако все обошлось. То ли Эмма Михайловна не знала о существовании Лидочки, то ли не узнала ее, то ли на нее успокаивающе подействовало присутствие опекавших ее Юрия Константиновича Ломакина, второго замминистра, отвечавшего за организацию похорон, и Александра Гришакова, старого друга и бывшего коллеги покойного, а ныне – одного из богатейших людей Москвы. Юрий Константинович поддерживал ее под локоток и время от времени трепетно склонялся к ее правому уху. «Игорь Сергеевич не смог присутствовать, – почтительным шепотом объяснял он вдове отсутствие министра, – государственный визит». – «О да, я понимаю», – отвечала та, многозначительно кивая. Гришаков же ничего не шептал, но само его присутствие, элегантная шляпа его молодой супруги, на которую беззастенчиво глазели собравшиеся, целая свора секьюрити в черных пиджаках и вереница сверкающих иномарок возвышали Эмму Михайловну в собственных глазах, придавая мероприятию особую, ничем не нарушаемую торжественность.

Лидочка Зайцева с заплаканными глазами стояла где-то в стороне, порученная заботам одного из сотрудников сапрыкинского секретариата.

И наконец, за всеми усталыми глазами наблюдал майор Лобов, стоявший чуть поодаль и страдавший от простого, но невыполнимого желания – выкурить сигарету. «С этой Лидочкой хорошо бы потолковать», – думал он, вертя в пальцах пачку «Парламента».

Когда все закончилось, Юрий Константинович в последний раз склонился над обтянутой черной перчаткой ручкой вдовы и проникновенно произнес, прикрыв глаза веками: «Эмма Михайловна, дорогая, еще раз примите мои глубочайшие соболезнования... И помните – в любой момент и при малейшей надобности... Мои координаты у вас есть». И отбыл на служебном автомобиле на Смоленскую площадь.

Супруги Гришаковы последовали за вдовой на поминальный обед, организованный силами того же Гришакова в ресторане «Прага», а Лидочка Зайцева, выйдя за пределы кладбища, бросилась ловить такси. Тут-то ее и настиг майор Лобов.

- Простите, пожалуйста, вы, если не ошибаюсь, Лида Зайцева? Ну вот, очень приятно... А я - майор Лобов. Вы бы не могли уделить мне несколько минут?

Проговорив все это залпом и заметив, что она, слава Богу, нисколько не сердится, Лобов облегченно вздохнул и вытащил, наконец, из пачки долгожданную сигарету.

- Вы простите, что я в такой день пристаю к вам с расспросами...

- Ах, да какое это имеет значение! - воскликнула Лидочка. - Тем более что завтра я улетаю в Брюссель. Но ведь вы хотите, чтобы я сказала вам, кто убил Лёню?.. Леонида Сергеевича... а я... я этого не знаю! Он был прекрасный человек, добрый, деликатный. В секретариате его все любили. А теперь... - глаза ее наполнились слезами, - теперь Гришка остался без отца.

- Простите меня еще раз, Лида, это правда, что вы поссорились с Леонидом Сергеевичем незадолго до вашего отъезда?

Лида посмотрела на него то ли с укором, то ли с насмешкой.

- Вы не понимаете. Мы не поссорились. Просто я устала. Он никак не мог решиться расстаться со своей женой. - Она сделала умоляющий жест. - Вы меня простите, я не хочу говорить про нее гадости, тем более в такой день, но она... ужасная женщина - сплетница, мещанка... Лёня все про нее понимал, а бросить не мог - жалел. Представляете, он мне говорил: «Она одна, у нее никого нет. Если бы еще были дети или внуки...» Представляете? Это он говорил мне! Я должна была ее жалеть за то, что у нее нет детей! А мы с Гришкой должны были довольствоваться его обществомукрадкой. Вот и все. Так что я, к сожалению, вряд ли смогу вам чем-то помочь...

- Скажите, Лида, Леонид Сергеевич когда-нибудь что-нибудь говорил при вас о Шрамкове?

- Кто это?

- Вы такого не знаете? Лида покачала головой.

– В министерстве был какой-то Шрамков... его, кажется, убили. Но это давняя история – я про это почти ничего не знаю, а больше...

– Да нет. Я имел в виду того самого.

– Да? – удивилась Лида. – И вас интересует, что по этому поводу говорил Лёня?

Лобов кивнул.

– Абсолютно ничего. Они были едва знакомы. Когда Лёня узнал об этом убийстве, он сказал, что отец этого Шрамкова когда-то заведовал каким-то департаментом... Не помню – каким. Вот и все. Почему вы спрашиваете?

Вместо ответа Лобов взял ее руку, покрасневшую от холода, и, неожиданно для себя самого, поднес к губам.

– Спасибо вам, Лида, и... хорошо, что вы уезжаете. В Брюсселе, наверное, еще тепло?

Лида кивнула, и в глазах у нее опять показались слезы.

– Знаете что? – проговорил Лобов. – Давайте-ка я вас подвезу.

Они вышли за кладбищенские ворота, и в нескольких метрах от своей «девятки» Лобов заметил Семена Хинштама, внимательно наблюдавшего за ними из окна своего БМВ.

11

В четверг утром полковника Богданова задержал генерал, и оперативное совещание началось с двадцатиминутным опозданием.

– Давай, Коля, докладывай, – потребовал полковник, когда все расселись по местам, – что там по экспертизам?

- Все совпадает, Олег Иванович. Шрамков и Сапрыкин убиты из одного оружия.
- Кто бы в этом сомневался! – проворчал полковник и постучал пальцами по столу. – Что еще? Подробности давай...
- Обо всем существенном я вам уже докладывал: труп Шрамкова обнаружили в 40 км от Москвы на проселочной дороге недалеко от Дмитровского шоссе. Убит он был с близкого расстояния выстрелом в голову, а кислотой облит уже после смерти, как и в случае с Сапрыкиным.
- Следы борьбы?
- Никаких.
- Ограблен?
- Видимых признаков ограбления не было: при нем обнаружили дорогие часы, бумажник с небольшой суммой денег, дипломатический паспорт и пропуск в МИД.
- Что по этому поводу говорили в МИДе?
- А ничего! Дело в том, что убийство произошло предположительно на следующий день после того, как Шрамков приехал на несколько дней в Москву из Нью-Йорка, где находился в командировке на работе в ООН. В МИДе его после приезда так и не видели.
- Что значит – предположительно?
- В связи с обморожением трупа точное время смерти установить не удалось.
- А неточное?..
- Неточное, – Сурин заглянул в блокнот, – шестнадцатое – девятнадцатое января девяносто девятого.

– Так, понятно, – проговорил Богданов и продолжал, словно обращаясь к самому себе: – Если исходить из того, что их убил один и тот же человек, а это, несомненно, так, то версия о том, что Сапрыкин был убит конкурентом, который метил на должность замминистра, отпадает...

Полковник пожевал нижнюю губу и повернулся к Лобову.

– Теперь докладывай – в МИДе был? Что-нибудь нарыл?

– По Сапрыкину практически ничего. На должность замминистра было всего два кандидата – Сапрыкин и некто Тимофеев. Тимофеев свою кандидатуру снял сам по состоянию здоровья. Так что тут вы абсолютно правы. Что касается кадровых решений, Сапрыкин их таки принимал – одно время он возглавлял комиссию по отбору кадров на работу в ООН, и кое-кто эту комиссию не прошел.

– Ну, эта версия отпадает, так же как и предыдущая, – недовольно перебил полковник.

– Согласен, но тут есть одно смешное совпадение. Среди людей, не прошедших комиссию, а их всего семь, – Сапрыкин возглавлял ее очень недолго, – фигурирует Шрамков.

– Очень смешное, – недовольно хмыкнул полковник и опять постучал пальцами по столу, – что-нибудь узнал о связях между Сапрыкиным и Шрамковым?

– Зайцева и старик – отец Шрамкова – в один голос утверждают, что они были едва знакомы. Сам старик знал Сапрыкина в основном как соседа по дому – в министерстве к моменту его ухода на пенсию Сапрыкин был ничем не примечательным рядовым сотрудником.

– А жены?

– Жены, даже если и были знакомы, то только так, на уровне «здрассте – до свидания», потому что жили в одном доме и наверняка встречались во дворе. Никаким бизнесом ни та ни другая никогда не занимались. Сапрыкинская вообще последние двадцать лет нигде не работает, а жена Шрамкова к тому же намного ее моложе... Так что тут ничего общего между ними мы не нашли.

– А что Зайцева?

– Тут, Олег Иванович, похоже, все чисто. Мальчишка остался без отца, и бабу жалко – обычная история...

– То есть что же получается? Все наши версии – в том числе о женской мести – коту под хвост? И все, что нам остается, это искать серийного убийцу, охотящегося на дипломатов, про которого крапает свои статейки Хинштам?!

Полковник оглядел оперативников с таким негодованием, будто они сами выпустили маньяка из клетки.

– Что это за серийник, который убивает раз в три года? – мрачно возразил Сурин.

– Накаркать хочешь? – грозно вперился в него глазами полковник.

– Тут каркай, не каркай... Я одного не понимаю: Юра сказал, что Шрамков работал в ООН? А как он там очутился, если Сапрыкин его зарубил?

– Я сам вначале не понял, – ответил Лобов, – но в МИДе мне все разъяснили. Сапрыкинская комиссия утверждала кандидатуры на работу в международные организации...

– Так ООН это и есть?..

– Ты не понимаешь. В ООН, как и во всякой организации, есть свой аппарат, и работают в этом аппарате международные чиновники из разных стран. А еще при ООН есть российское представительство, в котором работают чиновники не международные, а наши, российские... Так вот Шрамков работал именно в представительстве...

– А хотел, стало быть?..

– А хотел, знамо дело, в аппарате.

– Какая разница-то?

– Ты что, с луны свалился? Там и зарплаты другие, и статус неизмеримо выше, а про пенсию и говорить нечего...

– Хватит вам чужие деньги считать – свои отрабатывать надо, – проворчал полковник и, встав из-за стола, зашагал по кабинету, заложив руки за спину.

– Олег Иванович, тут есть еще одно обстоятельство, – начал Лобов, проследив за ним взглядом.

Полковник повернул к нему голову.

– Ну? Выкладывай.

– У Шрамкова, я имею в виду старика, есть дочь, молодая женщина тридцати двух лет, незамужняя. У нее – ребенок, трехлетняя девочка. Так вот, эту девочку в понедельник похитили.

Богданов резко остановился.

– Что значит – похитили?

– По словам старика, ребенка увели из-под носа у матери во время прогулки прямо во дворе и по телефону назначили выкуп в сто тысяч зеленых. Сообщать милиции она сама не хотела и родителям запретила. Она как увидела нас с Суриным, как заорет: «Ты зачем сдал нас ментам?» Схватила сумку с деньгами и убежала.

– Откуда у нее такие деньги? Собственный бизнес?

– Нет. Отец сказал, что она – что-то вроде садовода. Зарабатывает неплохо, но таких денег у нее, конечно, нет. Им пришлось продать квартиру сына. Того самого, убитого три года назад.

Полковник нахмурился.

– Разве квартира отошла не вдове?

- Вдова от нее отказалась.

- Как это - отказалась?

- Дело в том, что она с ребенком так и осталась в Америке. Старик на эту тему не очень-то распространялся, но, как я понял, квартиру она им оставила в качестве своего рода компенсации за внука.

- Так кому она принадлежала-то? Дочери старика Шрамкова?

- Нет. Квартира перешла старикам. Дочь прописана у них, и своего жилья у нее нет.

Полковник покачал головой.

- Н-да. Тридцать два года, мужа нет, своего жилья нет... С отцом, если я правильно понял, нелады... Если предположить, что старик отказал ей в квартире, не могла ли она прибегнуть к крайним мерам и инсценировать похищение собственного ребенка?

Лобов пожал плечами.

- В принципе - могла.

- Та-ак... - протянул полковник и посмотрел на Гулина, - поезжай сегодня же туда и во всем разберись, и в первую очередь отработай версию об инсценировке. Если выяснится, что мать ни при чем, будем смотреть, есть тут связь или нет.

- Какая связь? Между убийством Сапрыкина и похищением?

- Между двумя убийствами и похищением, Юра.

- Никакой, - уверенно ответил Лобов.

- Думаешь?

– Ну что вы, Олег Иванович, какая тут может быть связь? Опять же, если мать не виновата, ребенка похитили явно с целью получения выкупа. Кто-то, кто знал, что у Шрамковых есть квартира, за которую можно получить такие деньги.

– Кстати, какая квартира-то?

– Трехкомнатная.

– А тебе не кажется, что трехкомнатная квартира в этом доме стоит намного больше?

– Ну, наверное, – согласился Лобов.

– Да не наверное, а точно. Раза в два как минимум.

– Ну и что?

– «Что-что»? – передразнил полковник. – Не знаю что. Мне непонятен похититель, который при всех рисках и при полном успехе своего трудного дела снимает со своего предприятия не все сливки.

– Мало ли какие у него могли быть соображения? Может, он хотел скорее, а продать квартиру за два дня дело непростое. И потом, черт его знает, может, это действительно инсценировка?..

– Тогда тем более непонятно. Если это дочь – ей-то зачем свое упускать?

– Ну, не знаю, – покачал головой Лобов. – Так или иначе, к убийствам это, по моему, отношения не имеет.

– Хорошо, если ты прав... – задумчиво произнес полковник и, немного помолчав, добавил: – Ступайте, работайте и не забывайте сразу же меня информировать.

- Представьтесь, пожалуйста, - говорит ведущий, подходя с микрофоном к худенькой блондинке в цветастом платье.

- Надя Кашина, - смущенно бормочет девушка.

- Расскажите нам вашу историю.

Надя собирается с духом и, стараясь не смотреть в нацеленную на нее камеру, начинает свой рассказ:

- Три года назад я отдыхала в Крыму, и там мы познакомились с Милованом...

- Милован... это ведь не русское имя?

- Ну да... Он - югослав...

- Так... Понятно... И что же дальше?

- Сперва он мне не понравился... то есть... не знаю, как сказать... я его немножко боялась...

- Почему? - снисходительно улыбается ведущий.

- Не знаю.

История Нади Кашиной похожа на тысячу других подобных историй. Сперва она сторонилась его, даже боялась - все-таки иностранец. Ее пугал его акцент, его напористость, его непохожесть на других, даже черные глаза. К тому же он был чуть ли не вдвое старше ее. Но постепенно она привыкла и стала ждать по утрам, когда он появится под ее окном. На пятый день они отправились на первую совместную прогулку. Шли по берегу моря, и он шептал ей, что она красивая, что у нее необыкновенные глаза, что он никогда не видел таких волос, а главное, она такая добрая, а он - такой одинокий... В подмосковном Калининграде, где жила Надя, никто никогда ничего подобного ей не говорил - своего мальчика у нее не было, и про то, какая бывает любовь, она знала немного от подруг, немного из дешевых журналов и немного из бесконечных

мыльных опер, которые любила смотреть с матерью по вечерам.

- Ну вот, - вздыхает Надя, - а потом он уехал.

- К себе в Югославию?

- Ну да. Обещал, что приедет через две недели и мы поженимся...

- А-а, значит, вы все-таки собирались пожениться?

- Ну да, - почти неслышно отвечает Надя, - Милован сказал, что это возможно только в Югославии, а там началась война, и он не смог приехать... Ну вот... Я очень волнуюсь и хочу его найти, потому что у нас ребенок...

- Вот как? Поздравляю!

- Да, у нас мальчик. - Надя улыбается. - Он очень похож на Милована. Моя мама говорит, что он не приедет, но я не верю...

- И поэтому вы обратились к нам?

- Да...

- Откуда вы знаете о нашей передаче?

- Ну как... все знают.

- Ну что же, Надя, вы правильно сделали, что обратились к нам. И знаете почему? - ведущий выдерживает паузу и вдохновенно продолжает: - Потому что мы нашли вашего Милована. Да, нашли, честное слово! Вы рады?

Надя молчит, но ее лицо озаряет счастливая и немного застенчивая улыбка.

- Мы его нашли, - повторяет ведущий, насладившись эффектом, - но, к сожалению, сегодня он не смог приехать к нам на передачу из-за проблем с визой.

Улыбка немного потухает, но не совсем, потому что у ведущего уж больно хитрый взгляд – не иначе как приготовил какой-то сюрприз.

– Вы не огорчайтесь, потому что очень скоро он непременно придет – завтра или послезавтра – и вы обязательно встретитесь. А сейчас... – Он подносит руку к наушнику, прислушивается и делает приглашающий жест: – Сейчас вы можете поговорить с вашим любимым.

Надя растеряна – похоже, она ожидала чего-то совсем другого.

– Ну, что же вы? – поощряет ведущий. – Говорите, говорите же! Милован слышит вас.

Надя растерянно озирается и наконец собирается с силами:

– Милован, мы тебя ждем... Мы тебя очень любим – я и Владик. Ему уже два с половиной года. Он на тебя очень похож. Особенно глаза. Такие же красивые, как у тебя.

Вдруг откуда-то сверху через эфирные помехи прорывается голос Милована, говорящий с сильным акцентом:

– О, как поживаешь? Как здоровье?

В публике раздается легкий смешок, но Надя не замечает.

– Ты где? – спрашивает она, замирая от счастливого предчувствия. – Иди сюда!

Ей кажется, что его спрятали как новогодний сюрприз под стол и что он выскочит сейчас как черт из табакерки, и у них опять все будет хорошо.

– Да нет же, – слегка раздражаясь ее непонятливостью, разъясняет ведущий, – Милован говорит с вами по телефону, его здесь нет, он в Югославии. Но вы отвечайте ему, отвечайте! У вас есть уникальная возможность поговорить с ним прямо сейчас, в прямом эфире!

Надя смущается, нервничает, ей неловко, оттого что на нее глазаеет вся студия, но делать нечего, и она отвечает:

- Спасибо, хорошо. Мы здоровы.

- Отлично! – бодро продолжает Милован. – Я желаю, чтобы вы были здоровы.

- А ты как? – Надя делает отчаянную попытку продолжить диалог.

- Куда? – переспрашивает он, то ли не расслышав, то ли сделав вид, что не расслышал.

Публика смеется.

- Ты здоров? – повторяет она, но как-то не очень уверенно – голос у него бодрый и довольный, и что-то непохоже, чтобы он жаловался на здоровье. – Мы очень скучаем по тебе – я и твой сын.

- О! Да! Я очень рад! – отвечает Милован опять несколько невпопад.

Студия хохочет, и у нее не выдерживают нервы.

- Милован, я не могу говорить. Я звоню из студии, здесь много народу.

- Как? Что? – не понимает Милован.

- Я в студии, на телевидении. Я не могу говорить. Когда ты приедешь? – Губы у нее дрожат, но она все еще на что-то надеется.

- О! На телевидении! Телевидение – это хорошо! Приезжайте к нам в гости, в Югославию!

Зал покатывается со смеху.

- Нет уж, приезжай лучше ты.

Надя чуть не плачет, еле сдерживается. Ведущий продолжает делать вид, что все хорошо, и умильно ждет слез благодарности от участников трогательной сцены.

- Чао, - говорит Милован под общий смех.

Надя растерянно улыбается. Она оглушена звуком его голоса, хохотом публики, биением собственного сердца.

- Ну вот, - говорит ведущий, сохраняя на лице дежурную улыбку. - Мы надеемся, что теперь очень скоро произойдет встреча Нади и Милована. А наша передача подошла к концу. Ищите друг друга! Не теряйте надежду! Звоните нам и пишите на передачу «Я вернусь». Мы всегда вам поможем.

- Черт знает что! - проворчала Татуся и выключила телевизор.

- Что? - переспросила Женя. Она лежала на диване с закрытыми глазами, и было непонятно, слышит она, что происходит вокруг нее, или нет.

- Я говорю: бедная девка - опозорили на всю страну.

- Ты о чем? - Женя спрашивала вяло, не проявляя ни малейшего интереса к тому, о чем спрашивает.

- Да представляешь, соблазнил девчонку какой-то мерзавец, иностранец, сделал ребенка и был таков. А она, дурочка, мало того что три года его ждет не дождется, так еще на телевидение обращается, чтоб его нашли. А эти рады стараться - им все равно, из чего делать шоу.

Женя открыла глаза.

- И что же? Его нашли?

- Кого?!

- Иностранца.

– Я тебя умоляю! Лучше бы не находили...

Женя подняла голову.

– Значит, все-таки нашли?

– Ей это все равно уже не поможет...

– А мне?

Женя рывком сбросила с себя плед и спустила ноги.

– Что? – переспросила Татуся.

– Послушай, Татка, что, если по телевизору показать Машину фотографию? Вот хотя бы в этой передаче? Как ты думаешь?

– Ну... – растерянно пробормотала Татуся. – Почему бы и нет?

Мысль показалась Татусе неудачной, но спорить с Женей, которая трое суток не ела и лежала как мертвая на ее диване, ни на что не реагируя, было невозможно.

– Я понимаю, шансов почти нет, – продолжала Женя, – но ведь бывают всякие случайности... Вдруг ее кто-нибудь узнает? Кто-нибудь, кто ее видел случайно? – Она словно вымаливала ее согласие.

«Господи, какое счастье, что у меня нет детей», – подумала Татуся, всегда мечтавшая иметь ребенка, а вслух сказала:

– Конечно... Надо попробовать...

– Только – как? Туда же, наверное, трудно попасть?

– Ничего не трудно: у моей приятельницы на втором канале работает сестра. Редактором.

- И ты молчала?

- Женька, мне и в голову не пришло... Так же, впрочем, как и тебе!

- Я же не знала, что есть такая передача.

- Ну да. Ты же у нас сноб - телевизор не смотришь. «Что я несу? - ужаснулась Татуся. - Какой сноб? Какой телевизор? Она умрет, если этот ужас не кончится в ближайшее время. Ее пригласят на запись в лучшем случае через две недели - значит, впереди две недели надежды, а пока человек надеется, он живет. А потом... потом будет видно».

- Я сегодня же позвоню и договорюсь. Кофейку сварить?

- Нет. Позвони сейчас.

- Сейчас она еще не пришла.

- Позвони на мобильный.

- Женька, не дергайся. Ее мобильного у меня нет. И потом, я сказала, что устраю твое участие в передаче? Значит, устраю. Да, кстати, я совсем забыла - пока ты спала, звонил твой отец.

Женя пошарила рукой под пледом и нахмурилась.

- Ты взяла мой сотовый? Зачем?

- Я хотела, чтоб ты спокойно поспала, и отнесла его на кухню.

- Напрасно... А если бы?..

- Не волнуйся. Я глаз с него не спускала.

- Но ведь ты видела, что звонит отец! Не надо было подходить.

- Женька, ты же не можешь заставить их мучаться неизвестностью!

- Не говори ерунду. Он прекрасно знает, что со мной все в порядке. - Она усмехнулась. - Я послала им SMS. Ладно, Бог с ними... Чего он хочет?

Татуся села рядом с ней.

- Женька, я должна тебе сказать, что ты напрасно с ним так... Оказывается, он вовсе не вызывал милицию.

- А-а... Она сама пришла. По зову сердца.

- Представь себе, сама! Они позвонили твоему отцу и попросили о встрече, чтобы выяснить какие-то подробности, связанные с убийством твоего брата.

- Он лжет. Зачем им подробности? Прошло больше трех лет...

- Тем не менее. Они как-то связывают это с убийством Сапрыкина.

- Чушь какая! Я не верю ни одному его слову. И ты не веришь. Потому что таких совпадений не бывает. А он просто не смог придумать ничего лучше.

- Женька, я не знаю... может, ты и права, но он в ужасном состоянии...

Женя вскочила с дивана и чуть не упала, запутавшись в плеле.

- А я? А Машка? Что с ней? Где она? И ты смеешь говорить мне об отце, который все это устроил?

- Почему ты думаешь, что это он?

- Я же тебе объясняла - отец вызвал ментов, хотя я просила его этого не делать. И этот гад их заметил.

- С чего ты это взяла?

- Уже не говоря о том, - продолжала Женя, - что я должна была выйти из дому в десять вечера, а из-за прихода ментов совершенно потеряла голову и выскочила в девять. И он это тоже видел.

- Повторяю - откуда ты знаешь?

- Да потому что он оставил мне диктофон с записью: «Условия сделки надо выполнять»! Откуда я знаю - может, он караулил во дворе?

- Милиционеры же были в штатском!

- Не смейся.

- И потом, тебе не кажется, что раз у него была запись Машиного плача, значит, он и не собирался возвращать ее?

- Неправда! - Женин голос задрожал. - Он предупредил меня про теплые вещи. И потом, у него было больше двух часов - он вполне мог успеть.

Татуся покачала головой и осторожно сказала:

- Мне кажется, ты ошибаешься. Я, конечно, все понимаю, но...

- Что? - зло переспросила Женя, прищурился глаза, и, не дослушав, выбежала в коридор и заперлась в ванной.

«Как она сказала? “Я все понимаю?” Разве может она понимать? Разве еелишили способности дышать? Разве ее жизнь кончилась, потеряла смысл? Это кончилась моя... потому что она кончилась, кончилась, кончилась...»

Вначале ей казалось, что все это происходит не с ней, что это сон, кошмар, который рассеется сразу, как только она откроет глаза и рядом окажется Машка - ее ручки, смешные пальчики на ногах, теплая головка, пахнувшая карамелью, шелковистые волосики, животик, перевязочки, родинка на попе... Женя вспомнила, как Маша спала, держа во рту большой пальчик, так как с самого рождения не признавала соску... Как каждый раз перед сном, когда Женя гасила свет в ее комнате, она спрашивала: «Тут никакого страшного нет?..» Вспомнила

ее смешные словечки и не по-детски серьезный взгляд... Неужели этого никогда больше не будет в ее жизни?.. И если так, то, конечно, все кончилось, и совершенно неважно, сколько ей осталось – несколько дней, недель или даже лет. Это уже не имеет значения, потому что каждое из оставшихся ей мгновений жизни будет мукой, которая рано или поздно ее убьет.

Она вспомнила родителей, и от жалости у нее заныло сердце. Старые, беспомощные, одинокие... Одинокие, потому что она, Женя, никогда не сможет простить...

– Женька, открой!

Женя ополоснула лицо холодной водой и открыла дверь.

– Ты не должна... слышишь? – сказала Татуся и посмотрела ей в глаза. – Ты не должна раскисать. Ты выла сегодня всю ночь, я слышала... Ты сойдешь с ума, если не возьмешь себя в руки.

– Да. Все. Взяла. Прости. – Женя вытерла лицо и повесила полотенце. – Только никогда больше не говори мне об отце. Я, конечно, вернусь к ним, потому что они старые и больные, а я не зверь и не брошу их. Но никогда не говори мне о нем. Потому что это он виноват в том, что произошло. Вот только дай мне побыть у тебя еще немного... Ничего?

– Господи, Женька, о чем ты! Живи хоть всю жизнь. На следующей неделе пойдем с тобой на передачу, и я уверена...

Женя дернула ртом.

– Ладно, Татка, свари лучше кофе...

Когда они сидели на кухне, Татуся спросила:

– Так о чем ты говорила с этим капитаном, как его?..

– Гулиным, – подсказала Женя и махнула рукой: – И говорить не стоит. Все это бездарная и бессмысленная милицейская рутина. Рутину из рутин.

– И все-таки?

13

– Для начала расскажите, как это было, – попросил Гулин, и Женя, закрыв глаза, в который раз стремительно прокрутила в памяти картину того дня.

Когда она увидела, что Маши в песочнице нет, она почти не испугалась, потому что ей и в голову не пришло, что девочку кто-то похитил. Она была уверена, что Маша вылезла из песочницы и перешла на ту сторону двора, где находился подземный гараж, вернее, вентиляционная надстройка над гаражом – иногда, если ей надоедало играть в песке, они прогуливались там вместе в поисках красивых камней и цветных стеклышек. Женя бросилась туда, но там никого не оказалось. Она крикнула растерянно озирающейся Лоре, чтобы та стояла на месте, и побежала к подъезду – в надежде, что Маша каким-то невероятным образом незаметно для нее одна отправилась домой, но ни в подъезде, ни на лестнице, по которой Женя, перескакивая через три ступеньки, добежала, задыхаясь, до пятого этажа, девочки не было. Она снова бросилась во двор, но по растерянному выражению Лориного лица сразу же поняла, что чуда не произошло.

– Женька, погоди, не дергайся, – начала Лора, – давай вначале сообразим, куда она могла пойти...

– Не знаю – она никогда раньше не убегала от меня...

– Может, она просто пошла к кому-то в гости? – предположила Лора.

– Да нет, что ты... какие гости? – с досадой ответила Женя, продолжая озираться, и вдруг, пораженная смутным воспоминанием, вскрикнула: – Машина! Тут же была машина!

– Куда ты? Какая машина?

– Ты разве не помнишь? Тут же стояла черная машина! Вот, смотри! – И Женя, подойдя к краю детской площадки, показала на четко отпечатавшийся на сырой земле след колеса. – Вот здесь! Она стояла здесь! Неужели ты не заметила?!

Лора вытаращила глаза.

– Что ты хочешь сказать? Что ее увезли на машине?

– Не знаю, – в отчаянии проговорила Женя, – но я хорошо помню, что все время, пока мы тут сидели, еще до твоего прихода, эта машина торчала здесь. Мне даже кажется, что она была здесь и вчера, и позавчера...

– Тем более! Женька, не сходи с ума... Эта наверняка машина кого-то из жильцов. Лучше пойдем и поищем ребенка в той стороне.

Они бросились на ту половину двора, где обитатели дома гуляли с собаками, и обошли уже начинавшие желтеть кусты.

– Вы не видели девочку, маленькую, в красной панамке? – задыхаясь, спросила Женя у пожилого мужчины в плаще, державшем на поводке кривоногую таксу.

– Нет, – ответил тот улыбаясь, – Мы с Микой девочек не видели... – И только сейчас заметив их испуганные и расстроенные лица, спросил: – А что, пропал ребенок?

Женя не ответила. Они кинулись назад, и хозяин таксы удивленно и встревоженно посмотрел им вслед.

– Ее нигде нет... – в отчаянии проговорила Женя, когда они, обежав весь двор, вернулись на детскую площадку. – Что делать?

– Слушай, Женька, – начала Лора, – если ее действительно похитили...

– Смотри! – вдруг крикнула Женя. – Не хватает одной формочки!

– Что?

- Их было пять. Пять, понимаешь? А тут четыре. Одной не хватает - синей!

- Женя, успокойся... Какое это имеет значение? Оставь ты эти формочки - надо идти домой.

- Домой? - переспросила Женя и тут же с ужасом представила себе, что будет, когда узнают родители.

- Если ее похитили, тебе позвонят - так всегда бывает.

- Зачем? - спросила Женя помертвевшими губами.

- Ты что, не понимаешь? Ее же не просто... они же наверняка... ну, я имею в виду... Для чего похищают, по-твоему? Ради выкупа.

Женя дико посмотрела на подругу.

- Ты думаешь?..

- Ничего я не думаю... Это ты думаешь... Но все равно, иди, а я побуду здесь - вдруг она откуда-нибудь появится?

Звонок раздался сразу, как только она переступила порог квартиры. Она бросилась к аппарату и, сняв трубку, заметила, что по коридору из кухни к ней направляется мать, беспокойно вглядываясь в полумрак прихожей.

- Да! Я слушаю, - выдохнула Женя, стараясь справиться с бешено бьющимся сердцем.

В трубке отчетливо слышались звуки улицы, и довольно молодой и совершенно незнакомый ей мужской голос быстро проговорил:

- Если хочешь получить свою девку живой, будешь делать то, что тебе говорят. Поняла?

- Да.

Под напряженным взглядом матери она старалась отвечать как можно спокойнее.

- Во-первых, никому ни слова. Никому, поняла? Если скажешь ментам, девку не получишь никогда, ясно? Во-вторых, дай номер своей мобилы и побыстрей.

Женя продиктовала номер.

- Теперь слушай внимательно. За девку ты мне должна сто тысяч. Собирай баксы, а через пару дней я позвоню и скажу, куда их привезти. Если все сделаешь как надо, девку получишь без проблем. Все.

И повесил трубку.

- С кем ты говорила? - спросила Валентина Георгиевна, тревожно вглядываясь ей в глаза. - Где Маша?

- Мама, с ней все в порядке... - выдохнула Женя. - Надо только...

- Что? - с нарастающей тревогой спрашивала мать. - Женя! Что - «надо только»?

- Сто тысяч.

- Ка... какие сто тысяч? Что ты говоришь?

Женя молчала.

- О Господи, - простонала Валентина Георгиевна и тяжело опустилась на стул.

Женя бросилась за нитроглицерином, и в этот момент открылась дверь отцовского кабинета.

- В чем дело? - спросил Василий Демьянович, сдвинув на нос очки и строго посмотрев на жену.

- Машу... Машу... - бормотала та, глядя на него расширившимися от ужаса глазами.

- Что такое? - резко произнес он и обернулся к Жене, спешившей к матери с маленьким стеклянным тюбиком в руке. - Что такое с Машей?

14

Разговор с капитаном Гулиным не клеился. Вначале он потребовал фамилию и адрес Лоры, и Женя никак не могла понять, зачем это нужно.

- Вы говорите, девочка пропала в тот момент, когда ваша подруга заслонила ее от вас?

- Да, - ответила Женя.

- То есть она все время была в песочнице у вас на глазах?

- Ну конечно. Я еще спросила ее, не холодно ли ей.

- И рядом с ней никого не было, вы уверены?..

- Рядом - никого, но я же говорю - в нескольких метрах от песочницы стояла машина...

- О машине потом. Вы мне скажите сперва - эта подруга... что она делала в вашем дворе? Ведь она, если я правильно понял, не живет в этом доме?

- Не живет. Но, послушайте, - Женя сделала нетерпеливый жест, - при чем здесь моя подруга?

- Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

Женя досадливо поморщилась.

– Боже мой, не знаю. Я не понимаю, какое это имеет значение? Она здесь совершенно ни при чем...

– Я понял, понял, не волнуйтесь...

Женя бросила на него негодующий взгляд.

– Я не могу не волноваться – неужели вы не понимаете? У меня похитили трехлетнего ребенка, а вы, вместо того чтобы заниматься делом, задаете дурацкие вопросы про подругу...

– Послушайте, – возмутился Гулин, – я же не на свидание хочу ее пригласить! Ваша подруга появилась во дворе по причине вам неизвестной и загородила от вас ребенка... Она же первая и навела вас на мысль, что это похищение!

– Она же не нарочно ее загоразивала!

– Вот это я и хочу проверить. И как можно быстрее, потому что нам очень дорого время. А для этого мне надо знать...

Женя покачала головой.

– Все это безнадежно.

– Вы о чем?

– Нет, это я так... Что вы сказали? Подруга? Я не знаю, что она здесь делала. Я не успела ее об этом спросить. Но я еще раз повторяю – она здесь ни при чем. Мы знакомы пятнадцать лет, мы вместе учились, и ей совершенно незачем...

– И фамилия ее? – перебил Гулин.

Женя покорно вздохнула.

– Осипова. Элеонора Александровна.

- Хорошо. А теперь по поводу машины. Давайте еще раз и поподробнее.

С машиной тоже все было непросто, потому что Женя запомнила только, что она была черного цвета и, «кажется, грязная».

- Иномарка?

- Кажется.

- Что значит - «кажется»?

- Поймите, я ее не разглядывала. Судя по ее очертаниям, которые я видела, как бы это сказать, боковым зрением, это была иномарка. А какая - я не знаю. Я не очень-то в них и разбираюсь. То есть отличить «мерседес» от «тойоты» я, конечно, могу, но...

- Вы говорили, что видели эту машину и раньше?

- По-моему, она стояла на этом месте несколько дней. По крайней мере, дня два или три. Да, я уверена, что видела ее и накануне. Я еще подумала, что неправильно ставить машину рядом с детской площадкой.

- В ней или рядом с ней вы кого-нибудь видели?

- Нет.

- Ни разу?

- Нет. Если я правильно помню, она с тонированными стеклами.

- И вы не услышали, что заводится двигатель?

- Вы же видите, во дворе полно машин. И ездят они как раз вокруг детской площадки. Мы здесь дышим одним бензином. Я не знаю, кто придумал все это дерьмо, но заметить в таких условиях, что кто-то завел или заглушил двигатель?.. Нереально.

- Вы были здесь около семи... Это обычное время для ваших прогулок?

- Да. Я почти каждый день выхожу с ней после работы.

- Накануне похищения вы здесь были?

- Очень недолго.

- В котором часу?

- Я же говорю, около семи.

- И машина была на месте?

- Кажется.

Ее раздражали его вопросы, его не удовлетворяли ее ответы.

Дальше было еще хуже. Когда с машиной было покончено, капитан, покашляв в кулак, спросил:

- Кто отец ребенка и где он?

- Ну, знаете, - возмутилась Женя, - это-то уж точно вас не касается!

- Послушайте, Евгения Васильевна, - устало произнес Гулин, - так у нас с вами действительно ничего не получится... Вы занимаетесь самодеятельностью, причем очень опасной, вы хоть это понимаете? Вас могли убить при передаче денег. А теперь - мало того что вы ставите нас в известность с таким опозданием, вы еще упорно отказываетесь отвечать на вопросы, и это притом, что упущено столько драгоценного времени. Вы сами виноваты, что все так произошло, и теперь вместо того, чтобы помогать, вы...

Женя перебила:

– Вы что, не понимаете, что они следили за мной и наверняка заметили бы, если бы я была не одна?

– Но вы-то были одна! И что из этого вышло?

– Да причем тут!.. – досадливо отмахнулась Женя, которой очень не хотелось рассказывать про отца. – Да и что бы вы сделали?.. Похититель заметил бы вас и...

– Это была бы наша забота, – перебил Гулин. – Уже не говоря о том, что мы могли бы проследить за звонками, могли бы сделать отпечаток протектора этой машины на детской площадке, могли бы положить маячок в сумку с деньгами, мы многое бы могли, если бы вы... – Он заметил, что она побледнела, и остановился на полуслове. – В общем, вы правы – будет нелегко... А вам все-таки придется сообщить, кто отец ребенка, потому что нам надо прежде всего очертить круг лиц, заинтересованных...

– Поймите же вы, наконец, – перебила Женя, – ее отец даже не догадывается о ее существовании. Мы не виделись больше трех лет, и я не хочу, чтобы он узнал о ней. И уж тем более от вас.

– Почему?

– Что – почему? Почему от вас или почему не хочу?

– Почему не хотите?

– Послушайте, если бы вы разлюбили женщину и расстались с ней, вы бы обрадовались, если бы к вам пришли из милиции и сообщили, что вы уже три года как «счастливый» отец?

– Может, и обрадовался бы, – загадочно ответил Гулин и покраснел.

«Обрадовался бы он, – передразнила Женя, когда Гулин ушел. – Прикрывать собственное бессилие, сваливая вину на меня. Интересно, что бы сделал этот Гулин, если бы у него похитили ребенка и пригрозили бы кое-чем?.. Стал бы он обращаться в свою родную милицию или пошел бы один, никому ничего не

сказав? И что бы он говорил, если бы я предупредила их вовремя, а ребенка бы все равно не вернули? Переварили бы они такую ответственность? Нашли бы оправдание... какое-нибудь? Надо думать, нашли бы».

Милицию Женя не любила.

– Ну? И что ты взъелась на мужика? – спросила Татуся. – Я бы на его месте задала точно такие же вопросы. Он же не обязан знать, кто такая Лора Осипова или почему ты не сообщила Машкиному папаше о том, что у него растет дочь... Ты, кстати, так и не сообщила?

– Слушай, Татка, ты хоть меня не доставай! Ты же прекрасно знаешь, что у нас все давно кончено. И что про Машку он не знает и не должен знать.

– Вот тут, знаешь, давай поподробнее. Я вот, например, никогда этого не понимала. Почему это он не должен? И что с ним случится, если он узнает? Ты же не собираешься требовать с него алименты! Хотя, между нами, девочками, могла бы и потребовать. И похитили, между прочим, его родную дочь, и он вполне мог бы принять участие в ее поисках...

Женя отвернулась.

– Знаешь, не хотела тебе говорить... Не так давно я встретила одну девицу, с которой работала в «Курьере»... Так вот, она сказала, что он недавно женился, родил ребенка и... «очень счастлив».

Татуся чуть не поперхнулась кофе.

– Вот мерзавец!

– Брось, Татка, какой он мерзавец?.. Просто он никогда меня не любил... А я никогда не хотела навязывать ему ни себя, ни своего ребенка. Потому я и уволилась оттуда. И давай, знаешь, не будем больше об этом.

– Хорошо. Не будем. – Татуся встала из-за стола, собрала чашки и отнесла их в раковину. – И все-таки я не поняла – ты сказала про него Гулину?

– А, по-твоему, у меня был выбор? Пришлось сказать...

– И что... что он теперь собирается делать?

Женя усмехнулась.

– Ясно – что. Сперва допрашивать ни в чем не повинную Лору, а потом побежит к Сергею – стучать...

15

Капитан Гулин вышел из большого желтого здания на Петровке и повернул направо, к Садовой. Моросил дождь, и Гулин вдруг отчетливо осознал, что лето кончилось и прошел еще один год – привычка отсчитывать года с сентября по сентябрь осталась у него еще со школьных времен, – а в его жизни так ничего и не изменилось. Он подошел к своей старой «копейке», смахнул с лобового стекла мокрые листья и вспомнил, что забыл купить сигареты.

– Новый детективчик не возьмете? – спросила киоскерша, знавшая его в лицо.

Гулин взял с прилавка сигареты и кивнул на сдачу.

– Этого хватит?

– Еще десятку, – улыбнулась женщина, – уж больно хорошая книжка.

По правде говоря, любителем детективов Гулин не был. Он считал, что в них нет ни доли правды – ни о жизни, ни о работе его или его коллег. Единственная правда, которую он в них иногда находил и из-за которой, может быть, и читал их изредка в свободные минуты, была правда об отношении жен милиционеров к своим мужьям. Вероятно потому, что он и сам точно так же понимал эту правду.

Когда Димке было шесть лет, его жена ушла к мужику, у которого был магазин, джип и дом из кирпича на Горьковском шоссе. Ушла со словами: «Чужие дети

тебя волнуют больше, чем собственный сын». Эти слова были самым обидным из всего, что он услышал обидного в свой адрес за всю жизнь. Если бы она сказала, что уходит, потому что разлюбила его, или потому что магазинщик в тысячу раз лучше его как мужик, или потому что у магазинщика много денег, а он, Гулин, нищий, или все это, вместе взятое, он бы обиделся гораздо меньше. Потому что сына он любил. И Димка любил его, и она об этом прекрасно знала. Когда их разводили, судья поглядывала на него с сочувствием, но Димку все-таки оставила матери. «Сами подумайте, как вы будете растить его при такой работе?»

Вернувшись домой, Гулин напился, как не напивался уже много лет. Конечно, судья права. Отца-матери у него нет – он детдомовский, так что обеспечить мальчику добрую бабушку с очками на носу, вязанием на коленях и сказками по вечерам он не может. Денег на няньку у него тоже нет и никогда не будет, а сам он занят с утра и до позднего вечера. Там же у Димки получалась и неработающая мать под боком, и полный холодильник – и не первые три дня после зарплаты, а всегда, – и гладиолусы под окнами, да еще и джип в придачу. «Так что, видимо, все в этой жизни расставлено правильно, и следует считать, что Димке крупно повезло», – уговаривал себя Гулин и тут же, представив себе своего сына с магазинщиком, с такой силой ударял кулаком по столу, что подскакивали и недопитая бутылка водки, и стакан, и тарелка с остатками краковской колбасы, которую он нарезал, чтобы хоть чем-то закусить, но не ел, потому что есть не мог.

Сейчас Димке уже десять лет, и они видятся каждое воскресенье или почти каждое, потому что иногда Гулин занят и в выходные, но Димка никогда не злится, а, наоборот, старается его утешить: «Ничего, пап, ты не расстраивайся – мы с тобой в следующий раз подольше погуляем», – хотя – Гулин хорошо это знал – сам ужасно огорчился, когда их встречи срывались.

В прошлом году его бывшая жена родила от магазинщика девочку и, наверное, поэтому отпустила Димку с ним на время его отпуска. Тогда они прожили три недели у его друга Степы под Киржачом – ходили за грибами, ловили рыбу в реке Шерне и перочинными ножами вырезали из сосновой коры кораблики. И Гулин был счастлив, как никогда в жизни.

Этот Степа – они с Гулиным выросли в одном детдоме – часто говорил ему: «Не пойму, Андрюха, чего ты не женишься? Ты же прирожденный отец! Ну не повезло с одной бабой – возьми другую. Она тебе нарожает, сколько захочешь».

Гулин не спорил, но про себя знал, что, пока Димка не вырастет, он никогда не сделает этого. «Он меня не предал, а я, выходит, его предам?» – думал Гулин и расходовал свои избыточные отцовские чувства на детей, которых ему приходилось искать по долгу службы. И каждый раз, вынося из какого-нибудь страшного подвала похищенного ребенка, он, прижимая его к груди, представлял себе на его месте собственного сына и думал: «Любой может обидеть парня, который живет не с родным отцом, а с чужим дядей, и потому – совершенно не защищен...»

Видя Женины страдальческие глаза, капитан Гулин сочувствовал ей и изо всех сил хотел помочь, но ему не везло.

Вначале он отправился к Лоре – не столько потому, что подозревал ее, сколько чтобы, как говорится, сбросить ее со счетов и спокойно двигаться дальше. Лора приняла его в прихожей и долго не могла понять, чего он хочет. А поняв – оскорбилась. «Вы меня, что ли, подозреваете? – спросила она и тут же крикнула куда-то вглубь квартиры: – Вадик, иди сюда!» Когда Вадик появился в коридоре, она сказала:

– Вот полюбуйся – пришли из милиции. Они думают, что это я похитила дочку Жени Шрамковой.

– Я всего лишь спросил, что вы делали во дворе дома, где живет ваша подруга, – сказал Гулин.

– А что ты там делала? – удивился Вадик.

– Ты что – забыл? Кто меня просил отвезти посылку Гореловым?

– Ах да! Видите ли, мы недавно вернулись из командировки, и моя жена развозит по знакомым всякую дрянь, которую нас просили передать. Это, я надеюсь, уголовным кодексом не карается?

– Не карается, – буркнул Гулин и повернулся к двери.

– Телефон Гореловых не дать? А то они подтвердят...

- Не надо, - ответил Гулин и захлопнул дверь.

Потом по номеру мобильного, записанному Женей, Гулин стал искать владельца телефона, с которого были произведены звонки в день похищения и в тот вечер, когда Женя отправилась на встречу с похитителем. Потратил уйму времени и сил, но нашел. Владельцем, вернее, владелицей оказалась студентка экономического факультета МГУ Катя Брунова. Милая девушка, вежливая, воспитанная, но ужасно рассеянная. Гулин даже подумал, что ей, наверное, непросто учиться в университете, если у нее такая дырявая голова. Факт кражи телефона в день похищения Маши Шрамковой она подтвердила, но не смогла вспомнить, ни где это произошло, ни в котором часу.

«После лекций мы с девчонками сидели в кафе, потом зашли ненадолго в игровые автоматы - не играть, а просто так, от нечего делать... Потом гуляли по бульварам и по Тверской, мороженое ели». На вопрос, как она могла не заметить, что кто-то залез к ней в сумку, пожала плечами. «Вы что же, не боялись, что по вашему телефону кто-то наговорит на все деньги?» - «Так там и было-то всего пять баксов... И потом, я же не знала, что его украли - я только утром заметила, что в сумке его нет». - «А почему сим-карту не заблокировали?» - «Не знаю... Не успела...»

Вот вам и пожалуйста. Где искать человека, укравшего мобильный телефон Кати Бруновой? В университете, в игровых автоматах или у киосков с мороженым на Тверской?..

Такая же или почти такая история приключилась с машиной, стоявшей рядом с детской площадкой и ужасно беспокоившей Гулина. Он опросил всех жильцов, чьи окна выходили в эту часть двора, всех, у кого были свои машины, и всех, кто гулял в те дни на детской площадке. Кто-то качал головой, кто-то пожимал плечами. «Вроде была... Какая? Не помню... не обратил внимания...»

Поговорив с жильцами, Гулин бросился к представителям домовых служб, но с тем же результатом. «Тут машин больше, чем людей, - недовольно сказала дворничиха, - разве все упомнишь?»

И наконец, в последний момент, когда Гулин уже собрался уезжать, к нему подошел немолодой мужчина с сигаретой и хмуро спросил:

– Ищете машину, которая стояла у детской площадки? Это «фольксваген» восемьдесят восьмого года выпуска, цвет – «мокрый асфальт». Я потому обратил внимание, что когда-то у меня был точно такой же – я тогда работал в Германии. Только этот еще с тонированными стеклами.

– Номер случайно не запомнили?

– Номер московский, это точно, а больше... – Мужчина с сигаретой покачал головой и добавил: – Вот еще что: она была очень грязная.

На следующий день оказалось, что старый «фольксваген» видели сотрудники милиции, побывавшие во дворе дома на Брянской в день убийства Сапрыкина, и даже подергали за ручку двери, но, убедившись, что она заперта, оставили в покое, не потрудившись даже записать номер. «А чего, дом – дипломатический, здесь почти одни иномарки. Все, что ли, переписывать?»

И все-таки Гулин ее нашел. Провел полдня в ГАИ и нашел. Тем более что таких древних «фольксвагенов» в Москве числилось на учете всего двенадцать, и только два из них были цвета «мокрый асфальт».

Владельцем первого оказался некто Смирнов, мрачный тип лет пятидесяти с нечесаной бородой, назвавшийся художником. У него и его автомобиля было алиби, подтвержденное его соседями по даче в Загорянке, – они видели, как он в означенное время вывозил со своего участка зимние яблоки.

Отправляясь на Николоямскую улицу к владельцу второго и последнего «фольксвагена», Гулин нервничал и, увидев во дворе раздолбанную и давно не мытую иномарку с тонированными стеклами, даже затрясся и чуть не бегом бросился на третий этаж, где проживал владелец.

Дверь, обитая рваным дерматином, из которого торчали куски грязной ваты, была не заперта. В нос Гулина ударил спертый запах дешевого табака и какой-то тухлятины. Он сделал пару шагов, стараясь не наступать на разбросанную на полу старую обувь и пустые бутылки и окликнул хозяина:

– Боровкин, вы дома?

Никто не ответил, и Гулин, отшвырнув ногой пару бутылок из-под водки, вошел в комнату. В правом углу на разложенном диване, покрытом простыней, которая когда-то была белой, спал человек. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что разбудить его – по крайней мере, сегодня – Гулину не удастся: человек был мертвецки пьян.

Потратив почти час на то, чтобы тщательно осмотреть квартиру Боровкина, Гулин убедился, что к похищению Маши Шрамковой он, скорее всего, отношения не имеет и что кто-то просто воспользовался его брошенной во дворе машиной. Предстояло выяснить, с кем он общается, и Гулин отправился к соседям.

– У этого-то? А как же! Все местные алкаши сбегаются! Пузырь раздобудут и сюда, – возмущалась соседка из квартиры напротив. – Я удивляюсь, как он нам пожар до сих пор не устроил. Ведь заснет, паразит, с папиросой, пьяный, – весь дом спалит! Вот вы – милиция. Вы ж должны какие-то меры принимать или как?

Гулин вздохнул.

– Вам известно, что у него есть машина?

– А как же! Удивляюсь, что он до сих пор ее не пропил. Правда, она старая...

– Он куда-нибудь ездит на ней?

– Этот-то? Да вы что! Он из дому-то никогда не выходит. Да она, небось, и не на ходу.

– И давно он не работает?

– Лет пять, не меньше.

– На что же он живет?

– Живет! – передразнила соседка. – Разве ж это жизнь! Напьется и дрыхнет! А ведь когда-то был приличным человеком, в газете работал. Хоть бы вы его выселили, что ли, на сто первый километр, как раньше было, помните? Спалит же дом, ей-богу, спалит!

Оставалось попытать счастья в квартирах, окна которых выходили во двор, прямо на боровкинский «фольксваген». На первом этаже ему открыл здоровенный мужик в клетчатой фланелевой рубашке и тренировочных штанах и доброжелательно уставился на него.

– Ко мне?

Гулин показал удостоверение и объяснил, зачем пришел.

– Во! Я так и думал – что-то здесь не то! Я сперва решил – угнали. Во, думаю, кому понадобилась такая развалюха? Ей лет двадцать... ну, пятнадцать как минимум.

– Когда это было?

– Пес его знает, не помню. Кажется, в пятницу. Или в четверг. А может, в среду. Это я заметил, что ее нет, а как отъезжала – не видел.

– А когда вернулась?

– Вернулась ночью – с понедельника на вторник. Слышу – кто-то подъехал, но не посмотрел – спать хотелось. А утром смотрю: она, родимая. Во, думаю, значит, не угнали. Эх, знал бы, что вы интересуетесь, встал бы поглядеть.

– Это не мог быть ее хозяин?

– Боровкин-то? Да вы что? Он и дверцу-то открыть не сможет...

С помощью мужика во фланелевой рубашке Гулин погрузил пьяного Боровкина в свою «копейку» и отвез в местный ОВД, где попросил коллег поддержать его некоторое время в «обезьяннике», пока тот не просохнет. Толку от трезвого Боровкина оказалось так же мало, как и от пьяного – сказать что-либо вразумительное по поводу своего «фольксвагена» и того, кто мог им попользоваться, вконец деградировавший от пьянства журналист так и не смог.

Эксперты, осмотрев машину и исследовав образцы грунта, застрявшего в углублениях протектора, подтвердили, что именно он стоял в Женином дворе около детской площадки, но, кроме еле различимых хозяйских отпечатков и явных затертостей от перчаток на рулевом колесе, ничего не нашли.

Накануне похищения Маши Шрамковой в этом же дворе был убит высокопоставленный мидовский чиновник, и было очень странно, что похититель, который не мог об этом не знать, не побоялся провести два или даже три дня возле дома, где было полно милиции.

Была в этом деле еще одна странность, которая больше всего беспокоила Гулина: он знал, что похитители всегда требуют выкуп, размер которого значительно превышает финансовые возможности родственников, то есть действуют по хорошо известной схеме – проси как можно больше, чтоб получить хоть что-нибудь. В случае же с Машей Шрамковой просили весьма скромно, учитывая, что в собственности семьи находятся две большие квартиры в престижном доме, Женина иномарка (не самая дорогая, но все же) и дача в Сосново, где стоимость сотки равнялась нескольким тысячам зеленых. Гулин был уверен, что похитителю все это хорошо известно, так как гонялся он целенаправленно именно за Машей, а не за любым ребенком трех лет женского пола – в пользу этой версии свидетельствовал риск, на который шел похититель, выслеживая столь добросовестно охраняемую добычу, – уж кто-кто, а Гулин прекрасно знал, что в таком мегаполисе, как Москва, полно «бесхозных» детей.

Но ведь ребенка он не вернул?.. Означает ли это, что его интересовали вовсе не деньги, бывшие лишь прикрытием и, возможно, приятным дополнением?.. Например, если речь идет об отце ребенка. Женя сказала, что о существовании дочери ему ничего неизвестно, но ведь это может быть и не так? Разве нельзя предположить, что он не только прекрасно осведомлен о том, что у него есть дочь, но и испытывает к ней отцовские чувства, которые по каким-либо причинам скрывает от Жени? Или не скрывает, но Женя не хочет о них говорить? Или скрывает не он, а Женя, которая не желает делить с ним ребенка?

«Что ж, – думал Гулин, – хорошо, если так. Если девочку выкрал отец, значит, она жива-здорова и находится в безопасности. И найти ее не составит труда. А если нет?..»

В этом случае небольшой размер выкупа мог означать только одно – похититель торопился. Об этом же свидетельствовал и сумасшедший риск, которому он подвергал себя, оставаясь во дворе, полном милиции. Вопрос о том, что могло заставить его торопиться, вызывал у Гулина жгучую тревогу. «Что ж, надо идти к отцу, ничего не поделаешь», – сказал себе Гулин и вытащил из кармана блокнот с адресом.

Сергей Владимирович Комаровский оказался уверенным в себе красивым мужчиной тридцати пяти лет. Он бросил взгляд на гулинское удостоверение, удивленно поднял брови и подмигнул:

– Капитан милиции?.. Оборотень?.. Шучу-шучу... Здравствуйте... Проходите... Садитесь... Вот, на диванчик.

Гулин устроился в углу большого, обтянутого белой кожей дивана и огляделся. Только что отремонтированная квартира с новой мебелью и дорогими коврами свидетельствовала о достатке ее обитателей.

– Чем обязан? – спросил хозяин.

– Скажите, Сергей Владимирович, вы знакомы с Евгенией Васильевной Шрамковой? – спросил Гулин.

Тот опять удивленно поднял брови.

– А в чем, собственно, дело?

– Значит, знакомы. Давно?

Сергей Владимирович покосился на дверь.

– Когда-то мы вместе работали...

– Вы хотите сказать, что вас связывали исключительно деловые отношения?

– Послушайте... как вас... извините...

– Капитан Гулин.

– Да. Я, конечно, рад нашему знакомству, но все же вы, может быть, объясните вначале, чем вызван ваш... э-э... противоестественный интерес – вы уж извините – к моим знакомствам?

– Объясню. Потом. А пока прошу вас ответить на мои вопросы.

– Ну и ну, – усмехнулся хозяин квартиры, – порядочки у вас. Вообще-то, позволю себе заметить, это исключительно моя добрая воля – отвечать вам или нет. Потому что не вижу никаких причин, которые позволили бы вам вмешиваться в мою частную жизнь. Но так и быть, отвечу – у меня нет тайн от нашей доблестной милиции. Когда-то давно у меня с Женей... пардон... с Евгенией Васильевной... был роман. Удовлетворены?

– А потом?

– Что – «потом»? Потом она уволилась.

– В связи с чем?

– Послушайте, капитан, почему бы вам не задать этот вопрос ей самой? И при чем тут я? Если она влипла в какую-нибудь историю, я все равно ничем не могу вам помочь. Я не видел ее тысячу лет. И вообще, – он кивнул на дверь, – я не хочу посвящать свою жену в подробности моей холостяцкой жизни.

В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату заглянула очень молодая и очень хорошенькая женщина с грудным ребенком на руках. Рассеянно взглянув на Гулина и не поздоровавшись, она проворковала:

– Сережка, куда ты дел нашу бутылочку с новой соской? – И скорчив недовольную гримаску, капризно добавила: – Ты скоро? Нам с Васиком без тебя ску-учно.

– Иду, киска, иду. Я надеюсь, у вас все?

Гулин встал и направился к выходу.

Когда за ним захлопнулась парадная дверь, он вытащил сигарету, глубоко затянулся и подумал: «Женя права – этот папаша никакого отношения к похищению не имеет. Зачем ему похищать ее ребенка, если у него есть свой, новенький? Хорошо хоть, что я не сказал ему про Женину дочку. Что ж, выходит, надо двигаться дальше».

16

Ночью Эмма Михайловна Сапрыкина плохо спала и сейчас, полулежа в кресле, размышляла о том, как она теперь будет жить. Денег у нее нет. Совсем. Как все-таки мало платят в МИДе! У Лёнчика – и ранг, и должность, и стаж, а зарплата была как у... Конечно, надо было копить. Другие-то копят. Вот Фроловы копят... И Волковы. Да все, что там говорить! Жизнь такая. А они все тратили. И куда все уходило?... Все-таки в командировках платили валютой. Непонятно. Тем более что последний раз она себе ничего не купила. Ну, почти ничего. Шубу она предлагала купить в Москве, но Лёнчик сказал, что в Нью-Йорке дешевле. А все остальное... В конце концов, не может же она ходить бог знает в чем! При таком муже надо было выглядеть соответственно. Хорошо еще, она настояла, и они купили кое-что из мебели в ожидании новой квартиры...

Эмма Михайловна вздохнула. Продать нечего, разве что Лёнчиковы костюмы. Жалко, конечно, но надо же как-то жить. А как?

Эмма Михайловна беспомощно огляделась, будто где-то рядом могло лежать решение этого вопроса, но ничего не увидела, кроме вываленной из шкафа одежды и жуткого беспорядка. «И зачем я все это затеяла? Все равно делать ничего неохота. Костюмы никто не купит, так что придется, видимо, отнести их в комиссионку, хотя платят там копейки. Да еще и неизвестно, возьмут ли. А костюмы хорошие – Лёнчик был такой элегантный, и фигура у него была прекрасная, и вещи он покупал только в дорогих магазинах».

При воспоминании о муже Эмма Михайловна всхлипнула. «Может, предложить их кому-нибудь в доме? А что такого? Костюмы совершенно новые, прекрасного качества. У Ивановых, например, мальчик недавно начал работать в МИДе – у него такой же размер, как у Лёнчика. Чем покупать в магазине за бешеные

деньги... Впрочем, наверное, неудобно... с покойника».

Эмма Михайловна опять было принялась плакать, но тут же постаралась взять себя в руки. Глаза будут красные, а ей сегодня идти к Гришаковым. Саша Гришаков был так мил – пригласил ее в гости и сказал, что она может на него рассчитывать. Конечно, Гришакову с его возможностями ничего не стоит ей помочь, раз уж ей приходится теперь задумываться о прозе жизни... Правда, не очень понятно, о чем она будет его просить? Устроить ее на работу? Но кем? Делать она ничего не умеет, да и, честно говоря, она уже в таком возрасте, что ей больше подходит отдыхать – путешествовать где-нибудь по Европе, например... Как она любила ездить с Лёнчиком за границу! Видеть новые места, заходить в музеи... впрочем, в музеи не очень часто – это так утомляет! Но теперь-то она все равно уже не может себе этого позволить – путешествия стоят больших денег! Значит, придется все-таки пойти на работу. Хорошо бы Гришаков предложил ей какую-нибудь такую должность, при которой она бы сидела за столом в элегантном офисе, принимала посетителей и отвечала по телефону. «Александр Борисович занят. Позвоните позже». У нее была бы маленькая чашечка, из которой бы она пила кофе, телефон с кнопками и, может быть, – кто знает? – личный шофер. Но... ладно. В конце концов, ему виднее. Он сам знает, что ей предложить. Она, жена его лучшего друга, осталась без средств к существованию. Сам должен понимать...

Хотя вообще-то он мужик неплохой. Другой бы даже не плюнул в ее сторону, а Сашка все-таки пригласил. И жена у него симпатичная... Вот говорят, эти модели – такие-сякие, а она очень приятная женщина... И на похоронах, кажется, даже плакала. Зря она тогда боялась идти к ним в гости. Кстати, Лёнчик говорил, что она красавица, а она оказалась вовсе не красивая – одни веснушки. И такая худющая! Как с такой можно спать – вообще непонятно. А в остальном – ничего. Вот только шляпа на ней была слишком шикарная. С другой стороны, откуда этой девчонке знать, как принято одеваться в обществе? У этих моделей свои представления – лишь бы было модно. А хорошие манеры – этому их не учат. Она, небось, и не слышала, что в приличном обществе не принято быть одетой лучше хозяйки. Или она что-то путает?.. Это на свадьбе, кажется, приглашенным нельзя быть красивее невесты? Или просто в гостях? Ну да все равно – разве можно так одеваться на похороны? Впрочем, что с нее взять – длинные ноги есть, молоденькая мордашка есть – ума не надо. И как это ей удалось отхватить себе Сашку Гришакова? Все-таки его первая, Наталья, была такая интересная женщина... И умная... Возраст, конечно... Но разве можно сравнить умную зрелую женщину с молоденькой дурочкой? Ну, спал бы с ней в свое удовольствие где-нибудь на стороне, ради Бога... Жениться-то зачем? В постели

она ему скоро надоест – это всегда так бывает, а потом поймет, что говорить с ней не о чем, жизненного опыта у нее нет, общих интересов нет. Вот ничего и не останется. А Наталья знала языки... и вообще... Все-таки нехорошо с ней поступил Гришаков. Столько лет вместе... Ну ничего, эта манекенщица рога ему еще наставит, уж будьте спокойны. И заведет себе молодого и красивого. А когда Гришаков будет совсем старый, они его обдерут как липку и выкинут. Вот тогда он узнает, каково это, когда тебя бросают. А вот Лёнчик, Лёнчик никогда ей не изменял...

Эмма Михайловна опять всплакнула. Лёнчик не изменял, то есть, может, что-то и было в короткой командировке, когда он был без нее, но на то он и мужчина! И как теперь жить?.. Эмма Михайловна вздохнула. Соня – двоюродная сестра – советует обменять квартиру на двухкомнатную. «Зачем, – говорит, – тебе три комнаты? Тут уборки одной на полдня. А так ты деньги получишь. За разницу в метрах». Вот плебейку все-таки сразу видно. Во-первых, она сама уже лет двадцать как не делает уборку. Убирает Нюта, которая приходит два раза в неделю. А она, Эмма, только следит, чтобы та чего-нибудь не украла и не трогала Лёнчиковы бумаги на письменном столе. Во-вторых, почему она должна ютиться в двухкомнатной? Она еще молодая женщина, интересная, она еще вполне может выйти замуж. Например, за Черногорова, их соседа. Он вдовец, бывший посол – вполне приличная партия. Правда, для нее он староват – все-таки восемьдесят два. Ну ничего, он не один на свете. Есть еще этот, как его, на похороны приходил, из института, бывший Лёнчиков преподаватель... чего-то там международного... как же его? Ах, да – Галаджев... Он тоже один. На панихиде он так и сказал: «Недавно похоронил супругу». Но он, кажется, армянин? Ну и что? Подумаешь, армянин... Армяне бывают очень даже интеллигентные люди. И потом, у них всегда куча денег... Ой, господи, а который час? Вот фефела-то! Уже начало седьмого, а она сидит-рассиживается! Надо же еще накраситься! Или не надо? Все-таки траур... Нет, надо. Ненакрашенная, она похожа на чучело. И потом, она ведь идет к своим... Достаточно того, что она будет в черном. Хотя... Черный цвет так старит ее. Может, ничего? Наденет «шанельку», последнюю? Она не такая яркая. Или бордовенькое, шерстяное? Нет, бордовенькое надоело... А интересно, как у них дома? Лёнчик говорил, что квартира шика-арная... Все-таки надо одеться во что-нибудь приличное...

Эмма Михайловна перемерила несколько платьев, но, вспомнив, что цель визита – разжалобить каменное сердце олигарха, все-таки решила идти в черном. Пусть она будет страшная – бледная, старая, плачущая вдова. У кого угодно сердце дрогнет.

– Она, – подумала телефонистка Рая Скворцова, услышав в наушниках знакомый голос, и, как всегда, ей показалось, что она говорит с императрицей. Вдовствующей. В изгнании. И совершенно сумасшедшей. И дежурным голосом произнесла: – Программа «Я вернусь». Слушаю вас.

– Будьте любезны, я бы хотела поговорить с кем-нибудь из ваших ведущих... Это возможно?

– По какому вопросу? – спросила Рая, приготовившись защищаться.

– Мне представляется необходимым объяснить им кое-какие вещи, которые, видимо, ускользают от их внимания...

– Какие вещи? – стараясь быть терпеливой, спросила Рая.

– Видите ли, вчера я посмотрела вашу передачу, которая, безусловно, очень нужна, так как она помогает людям найти друг друга, и тем более обидно, что иногда, в погоне за... м-м... телевизионными эффектами, вы ставите ваших приглашенных в невозможное положение... Сегодня, например, эпизод с девушкой и этим господином из Югославии показался мне...

«Ну, сейчас будет цирк», – подумала Рая и перемигнулась с соседкой из кабины слева: вот, мол, мне опять досталось мое чудо в перьях.

Рая Скворцова работала в программе второй год. Каждый день с утра до позднего вечера объявленный в эфире номер осаждали сотни абонентов. Искали потерянных родственников, друзей, любимых, однополчан, однокашников, соседей по квартире и случайных попутчиков. Искали в России, в ближнем зарубежье, в Прибалтике, в Западной Европе, в Америке, иногда даже в Африке. Раиса аккуратно записывала имена, фамилии, даты, географические названия и особые приметы и заносила в компьютер.

Но бывало и так, что звонили сумасшедшие, которые никого не теряли и не терялись и сами не знали, чего хотят. Говорить с такими надо было вежливо, но решительно, чтобы не было повода для жалоб или скандала.

Сумасшедшая «императрица» относилась к последним. Прошлый раз она возмущалась тем, что обидели мальчика, разыскивающего отца: сняли папашу в кругу его новой семьи – с новой женой и новым мальчиком. Папаша почесывал обтянутый майкой пивной живот, довольно улыбался и слегка отрыгивал после плотного обеда. «А че, живем нормально... Ты, это, давай, приезжай...» И равнодушно улыбался. А десятилетний мальчик в студии, плотно сжав губы чтобы не дрожали, – смотрел на папашу и все понимал.

– Разве можно подвергать неокрепшую психику ребенка таким испытаниям? Неужели нельзя было посмотреть сюжет заранее и должным образом оценить его? – наивно вопрошала негодующая «императрица».

В этот раз ей не понравился сюжет с югославом и девушкой.

– Сцена показалась мне оскорбительной для достоинства молодой женщины, к тому же матери, – заявила она.

Раиса, может, и понимала, что «императрица» права и что редакторы чего-то недосмотрели. Но до конца рабочего дня оставалось полтора часа, а дома ее ждал голодный муж, и неизвестно еще, трезвый или нет. Да и не ее это дело – решать, какие сюжеты показывать, а какие – нет. К тому же, Рая Скворцова прекрасно знала, что никакие ведущие разговаривать с абоненткой не станут – даже если она действительно императрица – и задача ее состояла в том, чтобы как можно дольше держать удар, пока абонент сам не устанет от собственных претензий.

«Императрица» же, Елизавета Константиновна Данилова-Вильдо, высказав Раисе Скворцовой все, что думает по поводу последней передачи, положила трубку, раскрыла лежащий на столике новый номер газеты «Фигаро» и принялась разгадывать труднейший кроссворд на французском языке....

Эмма Михайловна уже второй час сидела у Гришаковых, пила чай, который подавала горничная в накрахмаленном передничке, и уплетала пирожные с невероятно вкусной начинкой – то ли малиновой, то ли смородиновой. И умирала от желания спросить, когда же появится хозяйка дома и появится ли вообще и те ли это самые пирожные, которые они с Лёнчиком часто видели в Смоленском гастрономе по сто шестьдесят рублей за штуку или какие-нибудь другие. «Не понимаю – что такого может быть в этих пирожных, что стоило бы таких денег?» – спрашивала она каждый раз, показывая на них мужу, но тот только раздражался и спешил поскорее уйти.

Сам Гришаков пирожных не ел – у него было такое выражение лица, будто у него болят зубы, – и Эмма Михайловна, чувствуя себя немного не в своей тарелке, все время одергивала Джумку, которая, сидя у нее на руке, слизывала с ее ладони кусочки ягодного суфле. «Фу, Джумка, хватит! У тебя опять будет расстройство!» Джумка вытягивала шейку, дрожала и тонко поскуливала от нетерпения.

Наконец появилась супруга Александра Борисовича и предложила Эмме Михайловне осмотреть апартаменты.

– С удовольствием! Я никогда не видела, как живут олигархи, – слащаво улыбнулась Эмма Михайловна, поднимаясь из-за стола, и тут же вспомнила, что каждый раз, когда она употребляла это слово, Лёнчик сердился и принимался объяснять ей его значение, которое она никак не могла запомнить.

«Это – столовая, это – бильярдная... Вот Сашин кабинет... Там кухня...» – комментировала хозяйка, водя ее по трехсотметровой квартире. Эмма Михайловна кивала с напускной снисходительностью, с жадным любопытством разглядывая мебель, ковры и дорогие безделушки, и чтобы хоть как-то компенсировать собственный комплекс неполноценности, все время порывалась с видом знатока дать какой-нибудь совет – куда передвинуть диван или какого цвета ковер лучше бы смотрелся под этой люстрой, – но никак не получалось: супруга советами не интересовалась и только в самом конце экскурсии, когда они вышли на огромную застекленную лоджию, спросила: «У вас случайно нет хорошего фитодизайнера? Мне хочется устроить здесь зимний сад!»

Когда Эмма Михайловна отправилась в один из трех имевшихся в квартире туалетов, Ирина Гришакова подошла к мужу и положила руку ему на плечо.

- Бедный ты мой! Замучила она тебя?

Гришаков поднял на нее усталые глаза и быстро проговорил:

- Ирка, что делать? Она просится на работу ко мне в офис. Придумай что-нибудь!

- Дай ей денег, и дело с концом.

- Ты что! Неудобно!

- Удобно-удобно! По-твоему, она зачем пришла?

- Ты думаешь?.. Тссс! Тихо, ради Бога! Она идет!

Через десять минут Эмма Михайловна выходила из гришаковской квартиры, унося с собой пухлый конверт, в который она, не утерпев, заглянула прямо в лифте.

19

Второго октября около семи вечера жители двух панельных пятиэтажек на окраине подмосковного поселка Новозыбково с интересом наблюдали за приездом следственной бригады. Весь поселок уже знал, что двумя часами раньше на заросшем лопухами пустыре в сотне метров от жилых домов случайный прохожий наткнулся на труп молодого мужчины лет двадцати семи-двадцати восьми. Прибывший на место преступления судебный медик констатировал смерть от двух проникающих ножевых ранений в область сердца. Мужчина был одет в джинсы, наглухо застегнутую темно-синюю ветровку, под которой, несмотря на довольно холодную погоду, не было ничего, кроме футболки с надписью «Hugo Boss», и черную бейсболку, съехавшую набок при падении. Впередних карманах джинсов обнаружили аккуратно сложенный полиэтиленовый пакет, сто пятьдесят рублей с мелочью и грязный носовой

платок, а в правом заднем – небольшой клочок газетной бумаги с номером телефона какой-то Марины. И никаких документов. После всех необходимых в таких случаях формальностей тело было отправлено в морг областной больницы, а оперативные сотрудники занялись поисками обладательницы телефонного номера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shkatulova_mariya/viza-na-smert

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)